9
150
автограф

Многоуважаемому Д. Н. Ушакову
от автора.

9/150

ОТЗЫВЪ

О

СОЧИНЕНІИ Н. М. КАРИНСКАГО:

„Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ". (С.-Пб. 1909 г.),

СОСТАВЛЕННЫЙ

проф. Б. М. Ляпуновымъ.

Оттискъ изъ «Сборника отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г.».
(Преміи имени графа Д. А. Толстого).

2249/2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1911.

9.150

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1300744

Отзывъ о сочиненіи Н. М. КАРИНСКАГО:

„Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ“ (С.-Пб. 1909 г.),

составленный профессоромъ Б. М. Ляпуновымъ.

Принимая на себя лестное, хотя и весьма трудное при скудости имѣющихся у меня свѣдѣній, порученіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ — разсмотрѣть вышеозначенное сочиненіе Н. М. Каринскаго и составить о немъ критическій отзывъ, я заранѣе уже чувствовалъ, что удовлетворительное исполненіе даннаго порученія превосходитъ мои научныя силы. Чувство нѣкоторой робости передъ трудностью принимаемой на себя задачи соединялось при первомъ впечатлѣніи съ удовольствіемъ, которое вызывалъ во мнѣ трудъ молодого автора, давшаго намъ столь обильный матеріалъ изъ многочисленныхъ рукописей, впервые привлеченныхъ имъ къ изслѣдованію. Когда же я, бѣгло перелиставъ книгу, прочелъ въ концѣ выводы автора о языкѣ Псковской области въ XV-мъ вѣкѣ, меня еще болѣе заинтересовала его книга. Внимательное изученіе ея въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ хотя и ослабило силу перваго впечатлѣнія, все-таки привело меня къ заключенію, что мы имѣемъ въ книгѣ Н. М. Каринскаго весьма важный вкладъ въ науку исторіи русскаго языка.

Н. М. Каринскій извѣстенъ уже наукѣ по нѣсколькимъ монографіямъ изъ области русской діалектологіи («О нѣкоторыхъ говорахъ по теченію рѣкъ Луги и Оредежа», Варшава. 1898 г., 33 стр., оттискъ изъ «Русск. Филол. Вѣстника»; «О говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда», С.-Пб. 1903 г., 56 стр. + карта говоровъ, оттискъ изъ «Извѣстій Отдѣл. Русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ», т. VIII, кн. 1—2), исторіи русскаго языка («Остромирово Евангеліе, какъ памятникъ древне-русскаго языка», стр. 3—19, извлеченіе изъ «Журнала Мин. Нар. Просв.» 1903 г.; «Погодинскій Апостолъ 1391 г.» — изъ «Р. Ф. В.») и старословянской письменности («Объ удареніяхъ въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ» въ 3-й книгѣ VI т. 1901 г. «Извѣстій Отдѣленія Русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ», стр. 281—289), а также по цѣннымъ изданіямъ отрывковъ и образцовъ древнѣйшихъ старословянскихъ памятниковъ. Его «Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ», ч. 1-я (С.-Пб. 1904 г.) настолько отвѣчала настоятельной потребности въ подобномъ изданіи при практическихъ занятіяхъ со студентами, что года черезъ 2 уже стала библіографической рѣдкостью. Достоинствомъ ея служатъ какъ удачный выборъ отрывковъ изъ глаголическихъ (въ точной кирилловской транскрипціи) и кирилловскихъ памятниковъ, взятыхъ или непосредственно съ оригиналовъ, или со снимковъ, такъ и приложенный въ концѣ словарикъ, а мѣстами и греческій или латинскій текстъ. Нѣкоторые недостатки этой хрестоматіи (напр., ошибочное чтеніе недостающихъ буквъ въ надписи царя Самуила 993 г., вопреки, очевидно, болѣе правильному, предложенному проф. Е. Ѳ. Карскимъ и акад. И. В. Ягичемъ) не могутъ умалить крупныхъ достоинствъ этой хрестоматіи. Конечно, преподаватели старословянскаго и исторіи русскаго языковъ въ университетѣ съ нетерпѣніемъ будутъ ждать обѣщанныхъ авторомъ въ предисловіи 2-й и 3-й частей этой книги, такъ какъ потребность въ нихъ при прохожденіи курса столь же настоятельна, а также и повторенія изданія 1-й части. Черезъ 4 года послѣ «Хрестоматіи»

Н. М. Каринскій редактируетъ весьма важное пособіе при изученіи глаголической палеографіи, изданіе Императорскаго Археологическаго Института: «Образцы глаголицы», С.-Пб. 1908, 4⁰, 10+14+25 таблицъ снимковъ; отзывъ объ этомъ цѣнномъ, къ сожалѣнію, мало доступномъ [1]) изданіи см. въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1908 г., № 3, стр. 231—232.

Какъ видимъ, интересы Н. М. Каринскаго сосредоточивались какъ на изученіи живыхъ говоровъ русскаго языка, такъ и на изученіи древнихъ памятниковъ русскаго и старословянскаго языка съ цѣлями палеографическими и лингвистическими. Строгая, реалистическая школа академика А. И. Соболевскаго замѣтна и въ первыхъ произведеніяхъ нашего автора: авторъ избѣгаетъ гипотезъ и не предается «лингвистическимъ мечтаніямъ», а добросовѣстно изучаетъ факты, которые ему доступны изъ непосредственнаго наблюденія надъ памятниками письменности и живою рѣчью. Но нужно обладать свойственной А. И. Соболевскому лингвистической проницательностью, чтобы при обиліи матеріала, всегда имѣвшагося у него подъ руками, умѣть изъ массы фактовъ выбрать самое типичное и, не прибѣгая къ мало обоснованнымъ гипотезамъ, давать яркія картины изъ исторіи русскаго языка. Какъ отразилось реалистическое направленіе учителя на первомъ крупномъ трудѣ Н. М. Каринскаго, остался ли онъ ему исключительно вѣренъ, что̀ внесъ онъ новаго въ науку исторіи русскаго языка, мы увидимъ изъ разсмотрѣнія самаго сочиненія.

Сочиненіе г. Каринскаго состоитъ изъ *введенія* (стр. v—vii), въ которомъ авторъ кратко излагаетъ причины, побудившія его

---

1) Несмотря на то, что наша университетская библіотека уже болѣе года тому назадъ сдѣлала заказъ на это изданіе, мы и до сихъ поръ не имѣли удовольствія познакомиться съ нимъ. Эти строки написаны мною осенью прошлаго (1909) года. Но уже 10 декабря 1909 года мною было получено отъ автора, вмѣстѣ съ другими трудами Н. М. Каринскаго, и это цѣнное и рѣдкое изданіе, заключающее въ себѣ 25 автотипическихъ снимковъ съ рукописныхъ и старопечатныхъ глаголическихъ памятниковъ.

выбрать означенную тему, служащую продолженіемъ второй части «Очерковъ по исторіи русскаго языка» профессора А. И. Соболевскаго, а затѣмъ говоритъ объ источникахъ и цѣляхъ своего изслѣдованія, и трехъ частей: I. *Описаніе памятниковъ* (стр. 1—149), II. *Анализъ фонетическаго и морфологическаго матеріала памятниковъ* (стр. 150—198) и III. *Вліяніе языка бѣлоруссовъ на языкъ Пскова въ XIV—XV вв.* (стр. 199—207). Какъ видимъ, наибольшую часть сочиненія составляетъ первая, описательная часть; двѣ же остальныя вмѣстѣ представляютъ приблизительно немного болѣе четверти всего сочиненія. Уже изъ этого обстоятельства можно заключить, что авторъ не находитъ нужнымъ тратить много мѣста на разсужденія объ описанныхъ имъ фактахъ. Дѣйствительно, эти разсужденія почти не заходятъ за предѣлы описанныхъ въ первой части особенностей языка рукописей и бо́льшею частію ограничиваются только сведеніемъ ихъ вмѣстѣ по фонетическимъ и морфологическимъ категоріямъ. Подробныхъ объясненій и экскурсовъ въ области смежныя мы находимъ очень мало, при чемъ излишняя краткость изложенія является нерѣдко въ ущербъ ясности: для читателя не всегда ясна причина, по которой авторъ склоняется къ тому, а не другому мнѣнію. Изслѣдованіе представляется слишкомъ незначительнымъ въ сравненіи съ массою приведеннаго въ первой части матеріала. Но съ другой стороны, было бы несправедливо думать, что въ первой части авторъ даетъ только сырой матеріалъ.

Въ первой части описаны слѣдующія рукописи XV-го и частію XVI и XVII вв.: Палея 1494 г., Палея 1477 г., Сборникъ Синодальной Библіотеки № 154, Погодинскій списокъ Псковской лѣтописи второй половины XVI в. (Имп. Публ. Библ. Пог. № 1413), Псковская Судная Грамота (копія XVII в.), два сборника Синодальной Библіотеки Чудовскаго собранія XV в. №№ 68/270 и 53/255, Сборникъ Софійской Библіотеки № 1262 конца XIV—XV вв. и еще нѣсколько памятниковъ XIV и XV вв. «съ менѣе яркой діалектической окраской», каковы Прологъ 1425 г. Сино-

дальной Библіотеки, Псковская Правая грамота 1483 г., запись Минеи Синодальной Библіотеки № 173, Погодинскій списокъ Палеи XV—XVI вв., отрывокъ Паремейника 1313 г., Ирмологіонъ 1344 г. и два Евангелія Типографской Библіотеки, всего 16 или 17 (такъ какъ № 53/255 представляетъ соединеніе въ переплетѣ двухъ первоначально отдѣльныхъ рукописей) памятниковъ. Почти всѣ памятники изучены авторомъ по подлинникамъ; только Псковская Судная грамота — по литографированному изданію Мурзакевича.

Описаніе составлено довольно подробно, при чемъ какъ бы предполагаетъ уже ранѣе сдѣланное изслѣдованіе, такъ какъ заключаетъ въ себѣ по отношенію къ каждому памятнику выдѣленными въ отдѣльныя главы сначала: а) общее описаніе палеографическихъ особенностей и пріемовъ письма, указаніе описокъ, иногда и краткаго содержанія памятника, затѣмъ б) «юго-славянское вліяніе и характеръ орѳографіи», в) фонетику и г) морфологію. Вѣдь дѣйствительно, чтобы рѣшить, что̀ слѣдуетъ считать опиской, что̀ относится къ характеру орѳографіи и степени южно-словянскаго вліянія, и что̀ отражаетъ живое произношеніе русскаго переписчика или составителя, слѣдуетъ произвести тщательный анализъ письма рукописи. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется, что авторъ далъ не совсѣмъ правильное названіе отдѣльнымъ частямъ своего труда. Первая часть представляетъ не только простое описаніе, но и группировку матеріала на основаніи скрытаго анализа, т. е. оцѣнки этого матеріала; вторая — не столько анализъ, сколько сведеніе вмѣстѣ результатовъ, добытыхъ на основаніи изученія отдѣльныхъ памятниковъ [1]), и общіе выводы объ измѣненіяхъ въ языкѣ псковской области въ XIV—XV в. на основаніи сравненія съ данными,

1) Эти замѣтки мои были написаны еще въ октябрѣ 1909 г., а въ началѣ 1910 г. мы получили «Archiv für slav. Philologie» XXXI, 3 H., гдѣ на стр. 453—458 я прочелъ рецензію на трудъ Каринскаго и на статью Шахматова объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в. Академикъ Ягичъ сдѣлалъ въ этой рецензіи замѣчаніе, сходное съ моимъ (стр. 453).

извѣстными изъ «Очерковъ по исторіи русскаго языка» А. И. Соболевскаго; третья — объясненіе этихъ выводовъ внѣшнимъ историческимъ факторомъ — вліяніемъ языка бѣлорусскаго.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о содержаніи сочиненія г. Каринскаго перейдемъ къ детальному разбору его и попутно укажемъ положительныя и отрицательныя стороны сочиненія и главные выводы автора. Весьма цѣнной безъ всякаго сомнѣнія является первая часть сочиненія. Занимающіеся исторіею русскаго языка и русской письменности должны быть глубоко благодарны автору за подробное, критическое описаніе многихъ важныхъ памятниковъ русской письменности. Хотя нѣкоторые памятники уже были кратко описываемы (напр., Палея 1494 г. у Востокова въ «Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянц. Музеума» въ 1842 г.) и даже издаваемы (Палея 1477 г. частію издана фотолитографически Обществомъ Любителей Древней Письменности въ 1892 г.), но такого подробнаго приведенія въ извѣстность всѣхъ особенностей графики и языка ихъ, какое впервые видимъ въ трудѣ г. Каринскаго, мы еще не имѣли. Авторъ (стр. 2) перепздалъ въ первой главѣ запись Палеи 1494 г., ранѣе напечатанную Востоковымъ, исправивъ неточности перваго изданія, затѣмъ (стр. 3—8) указываетъ на поправки позднѣйшихъ читателей и искаженія текста вслѣдствіе неправильнаго пониманія оригинала переписчикомъ и другія погрѣшности разнаго рода, зависящія не отъ особенностей языка переписчика, а отъ разныхъ причинъ, напр., механическаго списыванія, незнакомства писца съ церковно-словянскими формами, вліянія южнословянскаго оригинала, имѣвшаго мѣну юсовъ. Разсмотрѣніе описокъ памятника заставляетъ автора быть осторожнымъ при извлеченіи фактовъ языка. Авторъ сообщаетъ и нѣкоторыя палеографическія особенности, главное вниманіе обращая на переносы съ одной строки на другую.

Въ главѣ второй (стр. 8—11), посвященной тому же памятнику, авторъ отмѣчаетъ, какъ отразилось на орѳографіи памятника южно-словянское вліяніе, и насколько выступаетъ въ ней

русская народная стихія. Здѣсь можно упрекнуть автора, что онъ отнесъ къ орѳографіи то, что̀ можно отнести къ языку. Напр., не всякая замѣна ъ черезъ ъ можетъ быть графической, и авторъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ былъ объяснить причину своего взгляда.

Русскія полногласныя формы во всякомъ случаѣ относятся не къ графикѣ, а къ языку [1]), такъ какъ, съ другой стороны, многія неполногласныя формы, свойственныя старословянскому языку, вошли вѣдь не только въ русскую орѳографію, въ русскій письменный языкъ, но и въ общерусскій разговорный, а нѣкоторыя, благодаря вліянію книги и церкви, и въ народные русскіе говоры: нельзя думать, что «господствующія церковно-славянскія сочетанія звуковъ» въ Палеѣ 1494 г. характеризовали только орѳографію, и что писцы произносили соотвѣтственно имъ вездѣ свои полногласныя формы. Несомнѣнно, юго-словянское вліяніе XV-го вѣка захватывало не только графику, но и языкъ, и интересной задачей изслѣдователя было бы прослѣдить, насколько увеличилось, напр., число неполногласныхъ старословянскихъ или вообще южно-словянскихъ формъ въ русскомъ письменномъ языкѣ, а черезъ него и въ языкѣ русскаго грамотнаго класса, въ этотъ періодъ сравнительно съ болѣе раннимъ независимымъ или менѣе зависимымъ отъ юго-словянскаго развитіемъ русскаго книжнаго стиля въ XII—XIV столѣтіяхъ. При этомъ интересно было бы отличать чисто старословянское вліяніе на русскій стиль, имѣвшее мѣсто съ первыхъ шаговъ русской письменности, отъ спеціально южно-словянскаго, т. е. старословянское или «старо-болгарское» отъ «средне-болгарскаго» и сербскаго. Я согласенъ съ авторомъ, что неудобно отмѣчать полногласныя формы въ «фонетикѣ», ибо полногласіе исконная русская черта и явилась не со вчерашняго дня, слѣдовательно не относится къ фонетическимъ явленіямъ времени написанія Палеи 1494 г., но я пола-

1) Ср. замѣчанія академика А. А. Шахматова въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1909 г., № 7, отд. 2, стр. 108 (въ статьѣ «Нѣсколько замѣчаній объ языкѣ псковскихъ памятниковъ»).

галъ бы, что слѣдовало бы вставить еще одну главу, въ которой южно-словянское вліяніе указывалось бы не въ графикѣ, а въ языкѣ или стилѣ. Это было бы тѣмъ болѣе любопытно, что авторъ самъ (стр. 10) замѣчаетъ, что «значительное большинство случаевъ полногласія падаетъ на опредѣленныя мѣста Палеи», а между тѣмъ читатель, не имѣя подъ рукою текста, не можетъ провѣрить, какія именно эти мѣста, чѣмъ они отличаются отъ другихъ.

Упрекая автора за то, что онъ въ той же главѣ (стр. 9) въ числѣ случаевъ постановки ꙁ вм. ъ упомянулъ и такіе, которые могутъ быть и не графическими, я разумѣлъ случаи ꙁ вм. ъ послѣ губныхъ (скорбꙁ, кровꙁ), которые самъ авторъ справедливо выдѣляетъ, но все-таки оставляетъ въ этой же главѣ, трактующей объ орѳографіи и южно-словянскомъ вліяніи. Отмѣчу также, что авторъ, говоря о написаніяхъ глухихъ послѣ плавныхъ и ихъ чередованіи съ русскими сочетаніями *ер*, *ор*, *ол*, ошибочно въ числѣ примѣровъ, относящихся сюда, помѣстилъ не идущее сюда *жерца* 243 об., гдѣ, какъ извѣстно всякому слависту, и въ старословянскомъ языкѣ коренной ъ предшествовалъ плавному, а послѣ плавнаго былъ ъ суффиксальный, т. е. было ѫрѣца, общее и для старословянскаго и для древнерусскаго языка. Не допускаю мысли, чтобы такой знатокъ древнихъ памятниковъ, какъ Н. М. Каринскій, сознательно сдѣлалъ такую ошибку, и думаю, что лишь поспѣшность работы была причиною этого недосмотра. Чередованіе церковно-словянскаго жд и русскаго *ж* изъ праслов. *dj* я также выдѣлилъ бы изъ рубрики чисто графическихъ явленій. Относительно прилагательныхъ формъ на *и* я также сомнѣвался бы, не слѣдуетъ ли ихъ отнести даже въ главу о звуковыхъ явленіяхъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что глава вторая имѣетъ характеръ не вполнѣ ясный, и читатель иногда невольно недоумѣваетъ, о чемъ идетъ рѣчь, только ли объ орѳографіи, или и объ языкѣ.

Въ третьей главѣ, «фонетикѣ» (стр. 11—36), отмѣчены: прежде всего мѣна *о* и *а* въ неударяемыхъ слогахъ, встрѣчаю-

щаяся въ большомъ количествѣ случаевъ; затѣмъ рѣдкая замѣна *о* черезъ *оу;* частая — *е* (ѣ) черезъ *а* и обратно въ неударяемыхъ и ударяемыхъ слогахъ; указана мѣна *е* и *и* въ слогахъ неударяемыхъ, ярко проведенная въ рукописи, по словамъ автора (стр. 17); рѣдкая въ ударяемыхъ и частая въ неударяемыхъ слогахъ замѣна *ѣ* черезъ *и* (стр. 20—22); мѣна *е* и *ѣ* съ преобладаніемъ *е* (стр. 22); замѣна «глухихъ» «чистыми» гласными (стр. 22), при чемъ любопытны такіе примѣры, какъ *во* ѡбразъ, *изо*ѡбрета, *изо* ѡбласти и даже *ко* собѣ, *со* зади, разолоучити...., плотеское, воинество, прич. прош. вр. куплеше; пропускъ «глухого» въ *изо*рчи, нарѫша, возпи и т. п.; рѣдкая замѣна *е* черезъ *о* (послѣ шипящихъ, стр. 23); мѣна *ы* и *и* «въ огромномъ количествѣ» (стр. 23—26); небольшое число случаевъ чередованія твердыхъ и мягкихъ гласныхъ *а* и ѧ (ѭ), *у* и *ю* послѣ согласныхъ (стр. 27); ярко отразившееся въ рукописи чередованіе *оу* и *ѳ* (стр. 28—29); сочетаніе шипящихъ и *ц* съ мягкими гласными; обычная мѣна *ц* и *ч* и болѣе рѣдкая *ш* и *с*, *ж* и *з* (стр. 29—30); отвердѣніе *р*, обнаруживающееся какъ въ постановкѣ буквъ *а, ы, ъ, у* вм. *я* (е), *и, ь* и *ю* послѣ *р*, такъ и обратно (стр. 31—32); неясное вставное *и* между словами послѣ гласныхъ (стр. 33—34); случаи ассимиляціи и пропуска согласныхъ (стр. 34—36); вставное *г* («привегли єсме невѣстоу тобѣ» 334 об. 1), повторяющееся въ томъ же мѣстѣ и въ Палеѣ 1477 г. (стр. 35, 58). Авторъ отмѣчаетъ также, что «сѣверное *жг* ни разу не встрѣчается» (стр. 34).

Какъ видимъ, содержаніе этой главы чрезвычайно богато и интересно. Отмѣтимъ нѣкоторые случаи особо вслѣдствіе различія нашего взгляда отъ взгляда автора.

На стр. 17-й авторъ на счетъ мѣны *и* и *е* въ окончаніяхъ 2 и 3 л. ед. наст. вр. *—ишь* (—ши), *—ить* и —ешь (еши), *—етъ* отнесъ примѣръ хощиши, гдѣ первое *и* можно объяснить иначе: извѣстно, что въ старославянскихъ памятникахъ въ качествѣ формы 2 л. ед. наст. изъяв. встрѣчается хощти (Супрасл., см. Leskien, Handbuch, § 138; ср. въ моемъ «Изслѣдованіи о языкѣ

Синод. списка Новгородской лѣтописи» стр. 185); къ этому *хощи*, какъ мало понятному, несмотря на то, что существовала и въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующая форма *хочь*, было присоединено обычное окончаніе 2 л. ед. — *иши* (ср. великорусское *хош* вм. *хочь* подъ вліяніемъ — *ш* въ формахъ другихъ глаголовъ). Подобные примѣры можно встрѣтить и въ южно-словянскихъ памятникахъ: въ сербскомъ Никольскомъ Евангеліи Матѳ. XV. 28 (Данич. 31) читаемъ также хоштиши при отсутствіи мѣны *е* съ *и*.

Напрасно, приводя на стран. 22-й примѣры написаній *о* вм. *ъ*, *е* вм. *ъ*, авторъ не остановился на оцѣнкѣ ихъ съ точки зрѣнія лингвистической. Неужели такіе примѣры, какъ «*со* зади», «*ко* собѣ», «плотеское», «куплеше» должны быть читаемы буквально?

На стран. 25-й говорится о формѣ твор. множ. на *мы* вм. *ми*, какъ случаѣ мѣны *ы* и *и*. Но здѣсь мы имѣемъ, очевидно, не фонетическое явленіе, а результатъ морфологической аналогіи [1]).

Авторъ самъ, ссылаясь на указанное мѣсто лекцій академика Соболевскаго, говоритъ, что эти примѣры «не невозможно объяснять вліяніемъ тв. мн. склоненія именъ существительныхъ», при чемъ авторъ привелъ и такіе случаи, какъ сѫмы, гдѣ — *мы* является въ формѣ твор. мн. имени существит., чего не было еще отмѣчено А. И. Соболевскимъ; а потому и непонятно, почему онъ не помѣстилъ всѣ эти формы въ главѣ о морфологіи.

На стр. 25-й также упоминаетъ авторъ и объ оконч. им. ед. м. р. мѣстоим., прич. и прилаг. членныхъ *иги (и)* вм. *ыи*, приводя его также въ числѣ случаевъ мѣны *ы* и *и*, но нѣкоторые изъ перечисленныхъ здѣсь примѣровъ названы также и въ числѣ элементовъ юго-словянскаго вліянія (стр. 10), а именно тѣ, которые имѣютъ одно *и*: единии, створенї. Является вопросъ, почему именно только эти примѣры мы должны считать слѣдствіемъ юго-словянскаго вліянія, а не всѣ случаи съ *и* вмѣсто *ы*, а съ другой стороны, не могутъ ли именно случаи съ однимъ *и* (кромѣ приве-

1) См. Лекціи А. И. Соболевскаго, стр. 178, гдѣ уже приведенъ и примѣръ *вѣмы* изъ Псковской Палеи 1494 г.

денныхъ двухъ на стр. 25 ихъ указано еще нѣсколько: злокознени, наменени, хлебъ.... хранимѝ, люти) быть объяснены съ точки зрѣнія отраженія звуковыхъ явленій мѣстнаго сѣверо-западно-русскаго говора. Вѣдь именно въ говорахъ Псковской губ. давно уже были указаны слѣдующія формы: лѣнъ вылакнѝсти, сабо̀й гылавѝсти, чисти[1]), въ которыхъ *и*, по тогдашнему мнѣнію академика Шахматова, получилось изъ *e*^{i} въ нечленной формѣ прилагательнаго, т. е. того *е*, которое извѣстно въ цѣломъ рядѣ формъ имен. ед. именъ и мѣстоименій муж. р. въ памятникахъ новгородскихъ, псковскихъ и двинскихъ XII—XV в. (смене, ночине, петре, посаднике, останъке, вхе, тъ товаръ, кто верне и проч., Шахматовъ, Изслѣд. въ обл. р. фон. 47—48, Ляпуновъ, Изслѣд. о языкѣ Новг. лѣт., 142).

На стр. 27-й примѣры кладѧза, тесту, образю отнесены авторомъ къ фонетическому чередованію твердыхъ и мягкихъ гласныхъ послѣ согласныхъ, но самъ же онъ замѣчаетъ, что ихъ можно объяснить и «церковно-славянскимъ отвердѣніемъ согласныхъ», хотя, по его мнѣнію, «для предположенія церковно-славянскихъ оригиналовъ.... мы не имѣемъ достаточно твердыхъ данныхъ». Я думаю, что только изъ южно-словянскихъ (терминъ «церковно-славянскій» здѣсь не идетъ, такъ какъ можетъ быть понятъ въ смыслѣ любой редакціи, въ томъ числѣ и русской) оригиналовъ и можно объяснить подобныя формы: ср. сербск. кнѐз, го̀ст, кнѐза, го̀ста, старослов. кънѧза уже въ древнѣйшихъ глаголич. пам., напр., въ Марiинск. Еванг., а такія написанія, какъ образю, очень напоминаютъ примѣры *ю* вм. *оу* въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ, напр. Мирославовомъ и Вукановомъ Еванг.[2]) (см. примѣры у С. М. Кульбакина, Замѣтки о языкѣ и правописаніи Волканова Еванг., стр. 22). Съ другой стороны, относительно

1) Шахматовъ, Изслѣдованія въ обл. русской фонетики, стр. 49.

2) Ср. въ статьѣ ак. Шахматова въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1909 г., № 7, отд. 2, стр. 109, такой же взглядъ на эти написанія. Ср. и замѣчаніе самого Н. М. Каринскаго на стр. 104 по поводу подобныхъ же примѣровъ въ Сборникѣ № 68—270 Синод. Библіотеки.

случаевъ древнѧ, древноую я бы болѣе рѣшительно, чѣмъ авторъ, высказался за то, что это особыя образованія (ср. «древной» у писателя XVIII в. Г. С. Сковороды, см. изданіе 1894 г. въ Харьковѣ, стр. 288, въ письмахъ жителей Нижегородской губ. XVIII—XIX в. «нижной», «лишной», въ современномъ говорѣ Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губ. «в Нижном», въ Онежскихъ былинахъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, «*новодревная*», изд. 1873 г., стр. 538, обратно ibid. «*булатнїй ножъ*»)[1]).

Отмѣчу также, что по разному объясненъ одинъ и тотъ же примѣръ (по разному и написанъ, такъ что вѣрное чтеніе остается неизвѣстнымъ до провѣрки), а именно на стр. 19—20 «вы того не *оусмотрише* погибосте» 4 об. 2 (сравнивается чтеніе Палеи 1477 г. *оусмотрѣше*) объяснено какъ примѣръ замѣны *е* черезъ *и*, при чемъ *е* считается замѣною *ъ*, какъ въ выше упомянутомъ «куплеше», а на стр. 36-й то же «оусмотрїше» (съ ї) почему то объясняется уже какъ примѣръ пропуска *в*, слѣдов. вмѣсто *усмотрив(ъ)ше*. Такимъ образомъ, одинъ разъ эта форма объясняется какъ форма причаст. прош. стараго типа (старослов.— сѫмоштрѣвшє), другой разъ какъ форма того же причастія, образованная по аналогіи другихъ глаголовъ.

По тому же образцу, съ раздѣленіемъ на тѣ же главы, описанъ авторомъ и второй памятникъ — Палея 1477 г. По отношенію къ описанію особенностей орѳографіи и языка этого памятника можно сдѣлать тѣ же замѣчанія, что и по отношенію къ описанію перваго: названіе «южно-славянское вліяніе и характеръ орѳографіи» не соотвѣтствуетъ содержанію этой главы, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ, между прочимъ, и о проявленіи русскихъ особенностей — полногласія и *ж* изъ *dj* — въ церковно-славянскомъ текстѣ. Изъ особенностей фонетическихъ здѣсь кромѣ тѣхъ, которыя отмѣчены и въ Палеѣ 1494 г., авторъ приводитъ еще замѣну мягкаго *т* черезъ *ч*: wкрꙋчила [2]) вм. wкрꙋтила и расчи-

1). Ср. также бѣлорусскіе примѣры у Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы. II, стр. 405: стародавнѧ, ближного (Библ. XVI в.).

2) Въ Пал. 1494 г. wкрꙋ^{т}ила.

снꙋстасѧ вм. растиснꙋстасѧ, какъ читаемъ въ Палеѣ 1494 г. Сѣверное *жг* здѣсь также отсутствуетъ. Изъ неточностей главы о звуковыхъ явленіяхъ отмѣчу на стран. 55-й *оцищение*, которое можетъ быть объяснено не только въ качествѣ примѣра *ц* вм. *ч*, но и какъ примѣръ *и* вм. *ѣ* (*оцѣщение*), а всего скорѣе какъ смѣшеніе формъ *—цѣ—* и *—чи—*. Формы приносѧ*, износѧхоу на стр. 55-й неправильно отнесены авторомъ на счетъ фонетической мѣны *с* и *ш:* здѣсь мы имѣемъ дѣло съ морфологической аналогіей, притомъ довольно старой; вѣдь имперфекты этого типа (*ходѧше* вм. правильнаго *хожаше*) извѣстны уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ [1]), не чужды и памятникамъ южнословянскимъ и старочешскимъ [1]), и даже въ старословянской Супрасльской рукописи отмѣчено мною приходѣахѫ л. 150 об. (Варш. ч., изд. Северьянова стр. 568, Миклошича — 450.3). То же слѣдуетъ сказать и объ отглагольномъ существит. просатаєвѣ, которое такъ относится къ глаг. *просити*, какъ *ходатай* къ *ходити*, а предполагаемые глаголы **просати* (ср. малорус. [2]) *прохати*, гдѣ *х* вм. *с*, и малор. *жах* — вм. *жас* —) и **ходати* такъ относятся къ *просити* и *ходити*, какъ *полагати* къ *положити*, *(съ—, от)— вѣтати* къ *(съ—, от—) вѣтити;* сравн. въ Син. сп. Новгор. лѣтоп. соу҃ на тѧ съвѣтали съ чьрни-говьскъіми кнѧзи 146.12—13, ѿвѣташа 169.16, гдѣ, въ противоположность обычному *отвѣчать* (старослов. отъвѣштати), *т* не подверглось іотаціи. Я позволю себѣ сдѣлать предположеніе, не такъ ли объясняется и нынѣшнее бѣлорусское и великорусское и литературное *пускать* при древнемъ и частію и теперь болѣе обычномъ великорусскомъ же *пущать*, т. е. не объясняется ли *ск* здѣсь изъ *ст*, хотя и твердаго (**пустати*), какъ объясняется, напр., *ск* уже въ древнѣйшихъ памятникахъ и сѣверно- и южно-

1) А. И. Соболевскій, «Лекціи по исторіи русскаго языка», стр. 163. Ср. также А. М. Лукьяненка «О языкѣ Несторова житія препод. Ѳеодосія Печерскаго» (Варшава. 1907 г.), стр. 62.

2) Также великорусское и бѣлорусское *прохать*, см. акад. А. И. Соболевскаго «Лингвистическія и археологическія наблюденія», вып. I (1910 г.), стр. 14.

русскихъ въ сочетаніи — *скъ* мѣстнаго и дат. ед. пад. (во*скъ* Сл. Григорія Богослова, жень*скъ* Свят. Сб. 1073 и 1076 г. и друг.) [1]) изъ *ст* мягкаго въ сочетаніи *стъ*. Я думаю, что эти случаи, гдѣ *къ* послѣ *с*, слѣдуетъ отдѣлять отъ другихъ *къ* (напр., въ *Дъмъскъ* Минеи 1096 г.), которые, насколько мнѣ извѣстно, въ южныхъ памятникахъ не отмѣчены и справедливо объясняются въ древнерусскихъ сѣверныхъ и современныхъ великорусскихъ говорахъ дѣйствіемъ аналогіи. Что касается *пускать*, то оно также встрѣчается въ Новгородской лѣтописи по Синод. списку: изъ костѧ (описка вм. гостѧ?) поускаю·и товаръ. 152. 1—2, гостѧ ко мнѣ поускаи|те 202. 1—2. Не рѣшаюсь идти дальше и объяснять литературное русское *пугать* изъ **пудать*, хотя такое предположеніе само собою напрашивается, такъ какъ нельзя сомнѣваться, что великорусское и бѣлорусское *пужа́ть*, *пужа́ць*, *пужа́ло* «чучело для спугиванья» (однознач. съ *пу́гало*), малорусское *пу́жало* (?) находятся въ связи съ глаг. *пуди́ть* «гнать» (польское pędzić) [2]), а *пужа́ть* и *пуга́ть* имѣютъ въ великорусскомъ одно значеніе. Такимъ образомъ *просатай* я произвожу не отъ **прошати*, а отъ **просати*, и не вижу здѣсь мѣны *ш* и *с* [3]); то же *просатаеве* авторъ приводитъ и на стр. 144-й въ описаніи одного изъ памятниковъ «съ менѣе яркой діалектической окраской»—Погодинскаго списка Палеи XV—XVI вв.

Изъ морфологическихъ особенностей двухъ списковъ Палеи, описанныхъ авторомъ въ началѣ, интересны слѣдующія (стр. 36—42, 58—62): 1) имен. ед. муж. р. на *е* [4]) (Ларие, Вепьямине,

---

1) Соболевскій, «Лекціи», стр. 213. Ср. также статью А. И. Соболевскаго «Къ исторіи русскаго языка» II въ «Русск. Филол. Вѣстникѣ» 1905 г., № 1, стр. 8—10.

2) Когда уже были написаны эти строки, я получилъ 3—4 № «Русск. Фил. Вѣстн.» 1909 г., гдѣ въ статьѣ А. И. Соболевскаго (стр. 234), нахожу сходное съ моимъ объясненіе.

3) Ср. и сомнѣніе, высказанное А. А. Шахматовымъ въ сноскѣ на стр. 174-й «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1909 г., № 7, въ указанной выше статьѣ.

4) Въ отдѣлѣ III, стр. 188—189, авторъ придаетъ этой чертѣ большое значеніе, какъ діалектической. Авторъ не высказываетъ опредѣленно своего мнѣнія, какъ онъ понимаетъ образованіе этой формы, свойственной сѣверно-рус-

василие...). 2) Смѣшеніе род. съ дат. мѣстн. ед. ч. ж. р. (сестрѣ своєꙗ Пал. 1494 г. = сестры Пал. 1477 г., прилпѧще пѧты исавове Пал. 1494 г. = пѧтѣ исавовѣ Пал. 1477 г., ѿ прⷭ҇тѣи дивици Пал. 1494 г., съ стенѣ, с той стороне, ѿ землѧ веньꙗминовѣ и др. Пал. 1494 г., ѿ работѣ, до главѣ, съ стѣне и друг. под., почти всѣ послѣ предлоговъ, кромѣ наготѣ ѡц҃а своє҇ не ви҇ша въ Пал. 1477 г.). Едва ли всѣ подобные примѣры могутъ объясняться только «смѣшеніемъ» род. ед. ж. р. съ дат. мѣстн.: достаточно вспомнить, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ встрѣчаются примѣры род. ед. на *ѣ* послѣ твердыхъ согласныхъ по аналогіи основъ, имѣвшихъ прарусское *ѣ* въ род. ед. въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ (см. Соболевскаго «Лекціи по ист. русск. языка», стр. 183). Конечно, переносъ окончанія род. ед., свойственнаго однимъ основамъ, въ другія, имѣвшія это же окончаніе въ качествѣ признака дат. мѣстн. ед., въ концѣ концовъ приводилъ къ смѣшенію, т. е. къ употребленію и обратно окончанія, первоначально свойственнаго формѣ род. ед., въ знач. дат. и мѣстн., какъ это и видимъ въ нѣкоторыхъ сѣв. великорусскихъ говорахъ, употребляющихъ *избы́* въ знач. дат. мѣстн., но безъ всякаго дополнительнаго разъясненія говорить о смѣшеніи значило бы совершенно оставлять безъ вниманія то, что сдѣлано въ наукѣ раньше. Кромѣ того, въ памятникахъ, имѣющихъ мѣну буквъ *ѣ* съ *и*, *ы* съ *и*, слѣдуетъ съ осторожностью относиться къ объясненію окончаній *ѣ* и *ы*.

3) Авторъ отмѣчаетъ въ Палеѣ 1494 г. много случаевъ им. мн. сущ. и прил. на *ѣ* (е), какъ цр҃ѣ ил҃вѣ, прузѣ, бз҃ѣ пришли соу҇, преселене быша; но я почти убѣжденъ, что бо̀льшая часть ихъ объясняется графически смѣшеніемъ *ѣ* съ *е* съ одной стороны, *ѣ* съ *и* съ другой. Возможно также и вліяніе ф. винит. мн. мягкихъ основъ, ср. отмѣченные Соболевскимъ (Лекціи, стр. 180) примѣры: «потове приятѣ быша» (Прол. 1262 г.),

скимъ (новгородскимъ, двинскимъ, псковскимъ) памятникамъ, но его ссылка на фонетическое объясненіе академика Шахматова заставляетъ думать, что онъ склоняется къ его мнѣнію.

«будутъ трусѣ» (Ев. до 1362 г.) и мног. друг., вин. мн. городѣ черниговьскѣѥ, инъѥ городѣ мнозѣ (Новг. лѣтоп. Синод. 158).

4) Интересны формы мѣстоименій *всь* (безъ титла въ Пал. 1494 г.) въ обоихъ памятникахъ (стр. 38, 60) и *сесь* (Пал. 1494 г.).

Первое извѣстно въ Синод. спискѣ Новгородской лѣтописи (см. въ моемъ «Изслѣдованіи» стр. 60, 61, 72) и во многихъ болѣе древнихъ памятникахъ русскаго и южно-словянскаго письма (см. ibid. 74). Я вполнѣ согласенъ съ авторомъ, что форма *всь* могла быть живою формою, распространенною особенно въ сѣверо-западномъ углу русской области [1]). Но съ другой стороны, какъ бы мы ни объясняли себѣ это написаніе (я считаю наиболѣе вѣроятнымъ объясненіе *всь* какъ ѡ҆ь҆ѕ, данное А. А. Шахматовымъ) [2]), я удивляюсь, что авторъ (стр. 168) какъ будто совершенно игнорируетъ существованіе ея въ памятникахъ юго-словянскихъ, начиная съ Зографскаго и Саввина Евангелій (см. В. Н. Щепкина словарь при изданіи Саввиной книги s. v. *всь*, а также его «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги») и кончая сербскими текстами XIII в. (Сперанскій, Слав. апокриф. ев. 112, 113), между тѣмъ какъ онъ приводитъ форму *весь* въ средне-болгарскихъ памятникахъ [3]). Имѣя въ виду, что южно-словянская письменность давала намъ не только форму *весь*, *вьсь*, но и *всь*, мы одинаково могли бы считать книжной и форму *весь (вьсь)* и форму *всь*, если бы не было другихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. А данныя эти заключаются въ томъ, что форма *всь* встрѣчается нерѣдко въ сѣверно-русскихъ памятникахъ XIII—XIV в. (кромѣ

1) Авторъ указываетъ на стр. 167-й, что *всь* чередуется съ *весь* только въ памятникахъ, писанныхъ «хорошими грамотеями» (Палея 1477 г., Сборн. Синод. Библ. № 154, въ послѣднемъ даже съ преобладаніемъ *весь*).

2) Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи и нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ, стр. 199.

3) Кромѣ приведенныхъ имъ памятниковъ, могу указать еще отрывки недѣльнаго Евангелія (апракосъ) болгарскаго письма XII–XIII в. пергам. на 120 л. Библіотеки Имп. Новороссійск. Университета (даръ г-на Кохно черезъ А. А. Кочубинскаго), гдѣ также читаемъ весъ ѫзыкь, весь сьнемь 14 а, весъ ми́рь 2. об. 1, 6. об. 7.

Синод. списка Новгородской лѣтописи Л. Л. Васильевъ отмѣтилъ её въ Новгородскомъ Евангеліи XIV в. Имп. Публ. Библ., см. его статью объ этомъ памятникѣ, стр. 12), позднѣе уступая мѣсто формѣ *весь*. Вотъ почему болѣе вѣроятно, что *всь* не было достояніемъ только книжнаго языка, такъ какъ вліяніе послѣдняго не уменьшилось, а увеличилось послѣ XIV в., съ усиленіемъ какъ южно-словянскаго вліянія на русскую письменность вообще, такъ и московскаго вліянія на письменность новгородскую и псковскую. Не знаю, можно ли считать *всь* тожественнымъ съ формой *все*, указанной Васильевымъ въ Новгородскомъ Евангеліи F. n. I. 17 и Каринскимъ въ Погод. № 1413, какъ это, повидимому, я склоненъ былъ думать 10 лѣтъ тому назадъ (Изслѣд. о языкѣ Новгор. лѣтописи, 73), сопоставляя форму *всь* съ единичною формою *вхе* (Новгор. Синод. 175.1), напрасно безъ всякой оговорки замѣненной Н. М. Каринскимъ формою *все* (я не вижу необходимости считать форму *вхе*, провѣренную мною по рукописи, опиской, а напротивъ считаю звукъ *х* здѣсь интереснымъ остаткомъ праславянской старины, найденнымъ также и въ извѣстной формѣ вин. ед. ж. р. *вхоу* въ грамотѣ 1192 г.). Звукъ *х* въ этомъ словѣ, случайно сохранившійся до XIV в. въ какомъ либо говорѣ русскаго языка, меня нисколько не удивляетъ, какъ не удивляетъ всѣмъ извѣстное сохраненіе *г* въ современныхъ русскихъ *яга* (ср. старословянское *ГАСІА, ГАСА, ГАЗА), *польга* (великорусское и малорусское, = старослов. ПОЛѢСА, ПОЛѢЗА, откуда заимствовано и русское литературное *польза*), **стьга* (въ выраженіи «ни зги не видать», = старослов. СТѢСА) и друг. подобныхъ и древнерусскихъ, заимствованныхъ изъ германскихъ языковъ, словахъ съ окончаніемъ на прарусское — ęgъ, напр. варѧгъ, кълбѧгъ, щьлѧгъ [1]) (древнесканд. var*ing*r, kylf*ing*r, готск. skill*ing*s, см.

1) Однако Мельé (Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, Paris. 1902, стр. 110) склоненъ относить форму **ščьlęgъ* къ болѣе раннему періоду, когда германское *k* передъ мягкимъ гласнымъ измѣнялось въ *č* (čędo), выводя её изъ **skillings*, а форму скъlęзь изъ **skillings* въ болѣе поздній періодъ, когда *k* передъ мягкимъ измѣнялось въ *ц* или оставалось въ положеніи послѣ *s*.

Соболевскаго Лекціи по исторіи русскаго языка 20, Срезневскаго Матеріалы для словаря др. русск. языка) рядомъ съ *з* въ русскихъ *стезя́*, *пользя*, *князь*, род. ед. кня*зя*, — *з* и болѣе древнимъ ѕ (аффрикат. *d͡z*) въ тѣхъ же и подобныхъ словахъ языка старословянскаго (кънѧзь, кънѧѕь, кънѧѕъ Мар. Ев., скьлѧзь[1]) въ Сав. кн. и друг.). Звукъ *е* въ формѣ *вхе* я объясняю одинаково съ *е* въ посадн*ике* и многихъ другихъ формахъ именит. ед. муж. р.: въ отличіе отъ мнѣнія академика А. И. Соболевскаго, считающаго эти формы звательными со значеніемъ именит., я болѣе склоненъ согласиться съ тѣми, которые частію объясняютъ ихъ фонетически[2]), т. е. «проясненіемъ» конечнаго *ъ*, хотя и подъ вліяніемъ фактора морфологическаго—стремленія сохранить равное число слоговъ во всѣхъ пад. формахъ; зват. пад. я отказываюсь видѣть здѣсь потому, что вѣдь настоящій звательный въ тѣхъ же памятникахъ имѣетъ совершенно другую форму, сохраняя старое прасловянское измѣненіе *к* въ *ч*, *г* въ *ж* и т. п. *(княже)* и имѣя иногда и окончаніе *у*, *ю* (по типу формъ основъ на ŭ/оu̯). Звукъ *е* въ формѣ имен. *все* можетъ объясняться такъ же. Но съ другой стороны, принимая во вниманіе односложность (съ паденіемъ одного изъ *ь* до степени неслогов. звука) формъ *вьсь̯*, откуда *вес'*, и *вь̯сь*, откуда *все*, возможно, что это мѣстоименіе, тѣсно примыкая въ тоническомъ отношеніи къ слѣдующему существит., усиливало конечный слогъ именно въ извѣстныхъ сочетаніяхъ; то же можно предположить и о болѣе древнемъ **вьхъ;* не даромъ отмѣчены сочетанія *вхе полъ*, *все псковъ*, *все градъ* (Л. Васильевъ,

---

1) Вмѣсто скълѧѕь. А. И. Соболевскій («Лингвистическія и археологическія наблюденія», вып. I-й, 1910 г., стр. 1–2) выводитъ **щьлѧгъ* изъ **стьлѧгъ*, а склѧѕь изъ **стьклѧѕь*, которое вмѣсто основной формы *стьлѧѕь* подъ вліяніемъ *стькло*. До дальнѣйшихъ изслѣдованій пока лишь ставлю вопросъ, дѣйствительно ли мы въ правѣ предполагать основное **stь*—, не *šč*ь—. Правда, почтенный академикъ приводитъ *ст*—въ др. русск. Арханг. Евангеліи 1092 г., т. е. въ памятникѣ XI в., но форму Саввиной книги онъ опускаетъ, а вѣдь съ нею согласны приводимыя имъ формы сербскаго Мирославова XII в. и русскаго Галицкаго Евангелія 1144 г.

2) Академикъ Шахматовъ, Изслѣдованія въ обл. р. ф., стр. 44—50, Къ исторіи звуковъ, стр. 183—185.

Новгор. Еванг. Имп. Публ. Библ.). Н. М. Каринскій справедливо возражаетъ противъ высказаннаго когда-то мною (Изслѣд. о Новг. лѣтоп., стр. 93) предположенія, что *всь* мы можемъ читать какъ *ўьсь:* тогда мы дѣйствительно хоть изрѣдка встрѣчали бы написаніе *усь* или по крайней мѣрѣ въ формахъ другихъ родовъ и падежей вм. *в* букву *у*. Возможно, однако, что *в* здѣсь имѣло «чисто губной» (билабіальный) характеръ, какъ это было предположено мною на стр. 242-й того же изслѣдованія, между прочимъ, на основаніи примѣра *вз|сь* въ Синод. спискѣ Новг. лѣтоп. 17, 17—18 при многочисленныхъ *всь*. Конечно, если *всь* читать, какъ *ўьś*, не представляется возможности отожествлять его съ *все*, которое можетъ быть прочтено лишь какъ *wse* или *vse* (wśe или vśe).

Сесь, отмѣченное также въ другихъ памятникахъ (Син. Сб. №№ 68/270 и 53/255) въ формѣ *сьсь* (Каринскій, стр. 108 и 119), является интереснѣйшей чертою юго-западно-русскаго языка, давно отмѣченною И. В. Ягичемъ (Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, стр. 27, 124) и еще ранѣе М. Колосовымъ (Очеркъ, 109) и Огоновскимъ (Studien, 131), въ настоящее время извѣстною въ говорахъ малорусскихъ Галиціи (Ogon. Studien, 131) и великорусскихъ Сибири (Колосовъ, Обзоръ, 236).

5) Интересными являются отмѣченные Н. М. Каринскимъ случаи окончанія *ти* въ 3 л. ед. въ Палеѣ 1494 г. (*смыслити* и т. п.=*смыслить* и друг. въ Палеѣ 1477 г.) и 1 л. мн. на *ме* въ обѣихъ Палеяхъ и на *мо* въ Палеѣ 1477 г. Первая особенность стоитъ одиноко, только въ Палеѣ 1494 г., хотя случаевъ въ этомъ памятникѣ много. Н. М. Каринскій склоненъ видѣть въ этомъ *ти*, которое не обусловлено положеніемъ глаг. формы передъ слѣдующимъ *и*, какъ это давно указано въ старыхъ южно-русскихъ памятникахъ (кіевскихъ и галицко-волынскихъ), орѳографическое правило писца, считавшаго форму 3 л. на *ти* ученой въ противоположность обычной разговорной на *ть* по аналогіи отношенія книжнаго *ти* въ неопредѣл. наклон. къ раз-

говорному *ть* въ той же формѣ. Если бы это окончаніе *ти* не ограничивалось только однимъ памятникомъ и притомъ, кажется, только формою 3 л. единств. ч., можно бы было вспомнить тѣ русскіе говоры, въ которыхъ дѣйствительно слышится такое окончаніе [1]). Окончаніе *ме* въ 1 л. мн., давно извѣстное во многихъ сѣверно-русскихъ памятникахъ (повгородскихъ, полоцкихъ, псковскихъ), авторомъ указано почти во всѣхъ описанныхъ имъ рукописяхъ (см. Сб. Син. № 154, Каринскій, стр. 75—76, Погод. списокъ Псковской лѣтоп., стр. 89, Сб. Син. № 68/270, стр. 109 и друг.). Окончаніе *мо*, свойственное западно- и южнорусскимъ памятникамъ, отмѣчено авторомъ лишь въ нѣкоторыхъ псковскихъ рукописяхъ (Сб. Син. № 154, Палея 1477 г.). Кромѣ того отмѣчено въ Сб. № 154 *есмѧ* и *есмы* (послѣднее и во многихъ другихъ рукописяхъ), при чемъ въ этомъ Сборникѣ различныя формы 1 л. мн. ч. распредѣлены по различнымъ частямъ: *—мѧ* и *ме* въ Новгородской лѣтописи, *—ме* въ Новгор. и Псковск. лѣтоп., *—мо* въ Псковской лѣтоп., *—мы* — въ Александріи.

Не буду далѣе подробно излагать содержанія всей книги Н. М. Каринскаго: достаточно будетъ упомянуть, что описаніе всѣхъ рукописей расположено по извѣстному шаблону, образцомъ котораго служатъ описанія двухъ первыхъ памятниковъ. Въ другихъ рукописяхъ, описанныхъ авторомъ, отмѣчены нѣкоторыя другія черты (*жг* въ *дожгѧ*, даже съ отвердѣн. *—жгоу* въ Сборн. 68/270, *ф* вм. *хв*, *х* вм. *ф*). Намъ достаточно будетъ указать наиболѣе типичныя черты правописанія и языка описанныхъ имъ рукописей и подвести въ концѣ общіе итоги. Но предварительно я закончу указаніе отмѣченныхъ мною при чтеніи неточностей, а также и объясненій автора, съ которыми я не всегда могу согласиться.

На стр. 37-й, 59-й, 74-й я считаю неточнымъ выраженіе «гортанные вм. свистящихъ въ склоненіи именъ передъ *ѣ (и)*» и подобныя: «скоти многы», «дх҃и» и нѣкоторыя другія («жестоки

1) Академикъ Соболевскій, «Лекціи по исторіи русскаго языка», 38.

єсте», «кнѧѕи рꙋскїи») не могутъ быть приравнены примѣрамъ «во Изборс*ке*», «на роу*кѣ*», «на воло*ке*» и т. п., такъ какъ въ первыхъ мы имѣемъ дѣло съ смѣшеніемъ падежныхъ формъ — употребленіемъ формы винит. въ знач. именит. хотя бы отчасти (рꙋскїи вм. вин. рꙋсьскыѣ или вм. имен. рꙋсьстии), во-вторыхъ — съ замѣною только одного звука *(ц)* другимъ *(к)* подъ вліяніемъ родственныхъ формъ, образовавшихся при различныхъ фонетическихъ условіяхъ (*к* замѣнило *ц* въ формѣ *рукѣ* подъ вліяніемъ *к* въ другихъ формахъ того же слова). Не буду говорить о неточности терминологіи («гортанные» вм. «задненебные» или «средненебные»).

На стр. 66-й авторъ несправедливо отнесъ на счетъ *а*канья примѣръ выпров*а*диша: ср. въ Синод. спискѣ Новгор. лѣтоп. «въıпровади|лъ антониꙗ....» 211, «пльсковичи · въıпровадиша кн҃зѧ....» 331; конечно, мы имѣемъ здѣсь ту же глаг. основу *вад(и)*—, что̀ и въ съвада, съвадити, напр., «съвадишасѧ бр҃аѧ» Новгор. Синод. 59). Ср. малор. *напрова́дити* «направить», «наставить» (Пискуновъ); польск. sprowadzić; старослов. вадити, съвадити.

На стр. 74-й невѣрно понято авторомъ *всю чадꙋ*, какъ замѣняющее «слово средняго рода» (вѣроятно, авторъ разумѣлъ *чадо*). Не думаю, чтобы авторъ забылъ столь частое въ лѣтописяхъ выраженіе *чадь* (въ знач. «люди») ж. р. (Новг. лѣтоп. Синод. книноу чѧдь 12, простоую чѧдь 211 и друг.), которое здѣсь замѣнено новообразованіемъ того же рода по типу основы на *ā* (чѧдь — основа на *ĭ*).

Напрасно авторъ на стр. 79-й считаетъ форму *беревне* въ Погод. спискѣ Псковской лѣтописи формою второго полногласія: достаточно указать на отношеніе русск. литер. *бревно* къ діалект. *бервно* и польскому bierzwiono, чтобы убѣдиться въ невѣрности такого объясненія, такъ какъ съ одной стороны русское *бревно* ясно указываетъ на исконность гласнаго послѣ плавнаго (*брьвьно), съ другой *бервно* и т. п. — на исконность гласнаго передъ плавнымъ. Ясно, что здѣсь мы, подобно тому, какъ и въ словѣ *золовка*

(ср. сербск. *за̏ова*) [1]) изъ **зълъвъка*, должны исходить изъ прасловянскаго **бърьвьно*, въ которомъ всѣ три *ъ* одинаково древняго происхожденія [2]).

На стран. 79—80-й по поводу *а* вм. *о* въ разныхъ случаяхъ приведены авторомъ и формы н*а*вгоро^д^ци, на*оу*горо^д^ци, н*е*вгородско^м^, н*е*вгородского (въ Погодинскомъ спискѣ Псковской лѣтописи). Не мѣшало бы, мнѣ кажется, однако, автору упомянуть и о возможности иного объясненія, высказаннаго когда-то А. А. Шахматовымъ [3]), а именно—диссимиляціей *о* и *v*. Форма «н*а*вгородчи» отмѣчена также въ спискѣ 4-й Новгородской лѣтописи XV—XVI в. библіотеки Новороссійскаго Университета.

Наоборотъ, я несогласенъ съ А. А. Шахматовымъ въ его возраженіи Н. М. Каринскому по поводу причисленія формъ *серебрѧны̏* (стр. 10), *серебрени* (стр. 99) къ русскому полногласію: несмотря на то, что мы имѣемъ въ старословянскихъ памятникахъ только *сърeбро*, *сребро* (Саввин.) [4]), никогда *срѣбро*, которое извѣстно лишь въ русскихъ памятникахъ (Мин. 1096 г., Стихир. 1157 г., Ж. Ниф. и друг., см. Соболевскаго, «Лекціи по исторіи русск. языка», 23), мнѣ кажется, все-таки, что русская форма *серебро́*, какъ и чешское *stříbro*, восходятъ не къ той прасловянской формѣ съ *ъ* изъ *й* (Ф. Ѳ. Фортунатовъ сравниваетъ лотышское sudrabs при s*i*drabs и литовское s*i*dãbras, Составъ Остромирова Еванг., стр. 19), которая лежитъ въ основаніи старослов. сърєбро и сербскаго *срѐбро*, а къ прасловянской формѣ **serb-r-*. Иначе я не могу себѣ объяснить взаимное отношеніе русской и чешской формъ, какъ предположеніемъ указаннаго прасловянскаго варіанта этого заимствованнаго слова. Написаніе срѣбро древнерусскихъ памятниковъ во всякомъ случаѣ весьма знаменательно и объясняется или тѣмъ, что къ намъ вмѣстѣ съ

1) Ср. замѣтку Р. Ѳ. Брандта въ Jagić-Festschrift, стр. 348—354. Ранѣе высказано Ф. Ѳ. Фортунатовымъ въ «Arch. f. slav. Phil.», B. IV, 585.

2) Ср. замѣчанія Шахматова въ «Ж. Мин. Нар. Просв.» 1909 г., № 7, стр. 107.

3) Къ исторіи звуковъ, стр. 198.

4) Ф. Ѳ. Фортунатовъ, Составъ Остромирова Евангелія, стр. 17—19.

памятниками пришло это слово не только въ южно-словянской (старослов. сѫрєбро), но и западно-словянской (моравской, чешской) формѣ, или книжнымъ новообразованіемъ русскихъ писцовъ по аналогіи отношеній многочисленныхъ старо-церковно-словянскихъ *trět*— къ русскимъ *teret*—. Справедливо Соболевскій (Лекціи, 23) сопоставляетъ малорусское *срібро*....

Едва ли написаніе ѿ *сомоленьска* въ первой части Сборника Синодальной Библіотеки № 53/255 Чуд. объясняется исключительно «искусственно-орѳографической вставкой *о*», какъ думаетъ Каринскій на стр. 115-й: фонетическія условія здѣсь благопріятствуютъ развитію новаго гласнаго. А именно здѣсь мы имѣемъ сочетаніе двухъ согласныхъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ или оба являются длительными, въ положеніи въ слогѣ передъ ударяемымъ. Эти условія, какъ я имѣлъ случай убѣдиться на нѣсколькихъ примѣрахъ великорусскихъ говоровъ, содѣйствуютъ развитію новаго слогового гласнаго, по силѣ не уступающаго по крайней мѣрѣ старому въ такомъ же положеніи (напр., первому *о* въ *голова́*, *сторона́*, первому *а* въ *находи́ть*, т. е. какому-то краткому и слабому звуку, съ различными оттѣнками по качеству въ зависимости отъ сопутствующихъ согласныхъ, условно обозначавшемуся изслѣдователями, напр., В. А. Богородицкимъ, буквою *ъ*). Кромѣ разобранныхъ мною случаевъ въ «Ж. Мин. Народн. Просв.» 1900 г., № XI, стр. 255—261, которые отличаются тѣмъ, что въ нихъ имѣется *сочетаніе мгновеннаго согласнаго съ длительнымъ*, я могу указать въ живомъ языкѣ случай тожественный съ разбираемымъ, т. е. съ *начальнымъ сочетаніемъ двухъ длительныхъ* (s + m), а именно слово *смороди́на* (отъ слова *смо́родъ* «запахъ»), которое произносится въ Нижегородской и сѣверной части Симбирской губ., какъ *съмороди́на* не въ 4, а въ 5 слоговъ; я не отрицаю здѣсь возможности народной этимологіи (—*«самороди́на»), но думаю, что послѣдняя является *не причиною*, а *слѣдствіемъ* развитія паразитнаго гласнаго. Да и вообще едва ли удастся для каждаго подобнаго случая подыскать вполнѣ убѣдительную народную этимологію.

Рѣшительно не понимаю, на какомъ основаніи Н. М. Каринскій видитъ употребленіе творит. ед. вм. мѣстн. (стр. 108, 138) въ формахъ «ѡ исходѧщимъ ѿ земѧ огни», «ѡ боудоущимъ ѡгнѣ, «въ бѣсѧщимсѧ, «при.... бывшимъ....» и мн. друг. под., которыя являются правильными для языка церковно-словянскаго, а вѣдь на немъ, лишь съ невольными русизмами, и написаны разбираемые тексты. Въ виду сильной церковно-словянской традиціи мы не въ правѣ усматривать въ этихъ формахъ русское «смѣшеніе мѣстн. съ твор. въ ед. ч. м. р.», подобное, напр., нынѣшнему великорусскому «в' н'им» (въ немъ) и наоборотъ «с' н'ом» или по принятой нынѣ ореографіи «сь нёмъ» (съ нимъ).

На стр. 138 и 188-й нашъ авторъ напрасно объясняетъ пропускъ *р* въ формахъ *антихѫста*, *антихѫсту*, Сб. Соф. Библ. № 1262, какъ «слѣдствіе образованія плавныхъ гласныхъ»; несомнѣнно, здѣсь слѣдствіе упрощенія трудно произносимой группы согласныхъ послѣ выпаденія ъ, какъ справедливо указалъ А. А. Шахматовъ (О яз. Пск. пам., 108).

Относительно *возатаѧ* (привед. на стр. 141) слѣдуетъ сказать то же, что было сказано о *просатаѧ*: *з* можетъ быть правильно.

Въ *доржаша* авторъ на стр. 147-й видитъ указаніе на отвердѣніе *д*, но не слѣдуетъ ли отнести это на счетъ частнаго случая ассимиляціи звуковъ двухъ рядомъ стоящихъ слоговъ [1]): отвердѣвшее *ж* вызвало отвердѣніе *р* и предшествующихъ гласнаго и согласнаго? Любопытно, что въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ слышится (Нижег. и Симб. губ.) не только *доржа́ть* (окающее), *даржа́ть* (акающее), въ 3 л. ед. наст. вр. *до́ржит*, но и *дэ́ржит* (3 л. ед.).

На стр. 163—164-й авторъ, говоря о переходѣ *о* въ *у*, приводитъ формы твор. ед. основъ на *ā* ж. р., въ которыхъ *оу* нерѣдко написано вм. *о*. Но такъ какъ здѣсь мы имѣемъ формы прилагательныхъ членныхъ, то всѣ эти примѣры гораздо есте-

1) Акад. Соболевскій, «Лекціи по исторіи русскаго языка», стр. 90—91.

ственнѣе объясняются южно-словянскими оригиналами: вѣдь формы «за лютоую рѣкою», «злоую смертью» и т. п. весьма естественно могутъ отражать старословянскія и частію и среднеболгарскія... *лютѫѭ, *зълѫѭ (ѫѫ) [1]) и т. п., а такъ какъ въ древнѣйшихъ уже памятникахъ встрѣчается и мѣстоименное окончаніе тв. ед. —оѭ, оѫ [2]), а съ другой стороны оконч. —ѫѭ было постояннымъ окончаніемъ вин. ед., то естественно при перепискѣ старыхъ книгъ писцами, въ живомъ языкѣ которыхъ окончаніе ѫ, откуда сербское *у*, было только въ вин. ед., —оѭ, оѫ, сербское *ою*, *оў* (въ памятникахъ *овь*) — только въ формѣ твор., могла иногда явиться и обратно форма —*ою* въ знач. вин. ед. Дѣйствительно, мы въ сербскомъ Никольскомъ Евангеліи находимъ «стрьгоуште стражоу ноштьною» Лук. II. 8 (Данич. 130). Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось сейчасъ найти въ сербскихъ текстахъ формы твор. ед. на —*оую* (въ евангельскихъ текстахъ случайно форма твор. ед. ж. р. прилаг. мнѣ не встрѣтилась), но совпаденіе формы вин. ед. Никол. Еванг. съ приведенными Н. М. Каринскимъ «короу стебленою» и т. п., мнѣ кажется, подозрительнымъ и внушаетъ предположеніе, что —*оую* твор. ед., какъ и —*ою* вин. ед., попали въ русскіе списки, а частію подъ книжнымъ вліяніемъ и въ оригинальныя произведенія—изъ сербскихъ, списанныхъ съ болгарскихъ, рукописей [3]). Видѣть отраженіе бѣлорусск. твор. на —*ую*, —*уй* здѣсь препятствуетъ ударяемость этого —*оую*.

На той же страницѣ авторъ приводитъ еще примѣръ къзоуни Палея 1494 г. въ доказательство такого же звукового измѣненія, но уже Шахматовъ справедливо замѣтилъ [4]), что авторъ упустилъ изъ вниманія обычное въ сербскихъ памятникахъ напи-

1) Ср. В. Н. Щепкинъ, Болонская Псалтырь, стр. 221. Leskien, Handbuch, § 81.

2) Ibid., также С. М. Кульбакинъ, Охридская рукопись Апостола конца XII в., стр. CXIII. Leskien, ibid.

3) То же предположеніе южно-словянскаго (средне-болгарскаго) вліянія высказано и академикомъ Шахматовымъ въ указанной выше статьѣ «Журн. Минист. Нар. Просв.» 1909 г., стр. 143.

4) Ibid. 144.

саніе, и ссылается на Евангелія Раевскаго и Прилѣпское XIV в. Я могу указать въ Никольскомъ Евангеліи вьзоупи Матѳ. XV. 22, Мрк. I. 23, Лук. I. 42 (Данич., стр. 31, 74, 128), вьзоупивь Лук. VIII. 28 (Дан. 155). Г. А. Ильинскій [1]) указалъ еще слѣдующія сербскія рукописи, не знающія притомъ, какъ онъ замѣчаетъ, другихъ примѣровъ перехода *въ* въ *оу* (u): Гомиліи Михановича XIII в., Шишат. Апостолъ XIV в., Типикъ Хиланд. XIV в., Сборн. Хлуд. XV в., Апост. Гильфердинга, Еванг. XV в. Люблянской библ. Въ той же статьѣ Ильинскій указываетъ черногорское *ùpiti* рядомъ съ *vàpiti*, видя въ первомъ индоевроп. ōu̯, во второмъ й. Не буду разбирать предложенной въ этой статьѣ Г. А. Ильинскаго новой этимологіи старослов. въпити (Г. А. противъ мнѣнія о заимствованіи съ готскаго), но замѣчу, что во всякомъ случаѣ, если бы даже и удалось найти въ любомъ русскомъ говорѣ зв. *у* въ этомъ словѣ, совсѣмъ невѣроятно видѣть въ приведенномъ Каринскимъ примѣрѣ звуковой переходъ *о* въ *у*. Господство же этой формы въ сербскихъ рукописяхъ при живомъ черногорскомъ *ỳпити—ỳпиjēм* (В. С. Кар., Српски рјечн.) дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ заимствованіе этой формы въ псковскія рукописи изъ рукописей южно-словянскихъ съ сербизмами.

На стр. 169-й авторъ говоритъ о пропускѣ *ь* въ различныхъ формахъ глагола «*рьку*», признавая его за діалектическую псковскую особенность XV в. Я полагаю, что авторъ здѣсь допускаетъ нѣкоторую неточность выраженія, ибо само собою разумѣется, что *ь* во всѣхъ этихъ формахъ, если оно было, должно было исчезнуть благодаря положенію въ открытомъ слогѣ. Очевидно, Н. М. Каринскій хотѣлъ сказать не о пропускѣ только *ь*, а о формахъ этого глагола, имѣвшихъ *ь*, въ противоположность формамъ, имѣвшимъ *е*. Почти несомнѣнно, что формы съ *ь*, какъ 3 л. ед. аориста *рьче*, прич. наст. врем. *рькучи* и друг., принадлежатъ русскому, не церковно-словянскому языку, такъ какъ въ древнѣйшихъ старословянскихъ текстахъ мы *ь* находимъ лишь въ формѣ

1) «Altkirchenslavisch» *vъpiti* «schreien», «Z. f. V. Spr.» XLIII. 1/2, S. 183.

повелит. *рьци;* едва ли могли онѣ быть заимствованы и изъ южно-словянскихъ рукописей средневѣковыхъ, такъ какъ живымъ южно-словянскимъ языкамъ онѣ чужды. Это ъ въ извѣстныхъ формахъ глаг. корня *рек—* принадлежитъ русскому языку вмѣстѣ съ западно-словянскими (чешск. *řkouc*, ст.-чешск. *řkūc*, *řka*, польск. *wrzkomo* и друг.) [1]). Въ этомъ отношеніи русскій и западно-словянскіе языки частію лучше сохраняютъ праславянскій слабый видъ корня, частію распространили его по аналогіи далѣе, южно-словянскіе наоборотъ распространили по аналогіи сильный видъ. Сохраненіемъ праслов. старины слѣдуетъ считать формы аор. I (3 л. ед.), такъ какъ сравненіе съ родств. языками (греч. ἔτραπον при имперфект. — τρεπον) указываетъ здѣсь на слабый видъ, распространеніемъ по аналогіи — формы наст. врем. изъявит. и, вѣроятно, причаст. наст. Дѣйствительно, не всѣ русскіе памятники одинаково часто имѣютъ формы *р(ъ)к—*, и даже въ аористахъ встрѣчаемъ нерѣдко *—рек—*, *нарече*, какъ и отмѣчено Н. М. Каринскимъ въ Начальной и Новгородской лѣтописяхъ (см. примѣры Новгор. лѣт. у меня въ «Изслѣд.», стр. 116). Псковскіе же памятники, изслѣдованные Каринскимъ, выдѣляются обиліемъ формъ *ркучи*, *рка*, *изорчетъ*, *ркоста*, и эта черта обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователя, какъ черта живого языка, сближающая псковскую языковую область съ западно-словянскою. Въ настоящее время мы еще не можемъ сказать съ увѣренностью, что весь русскій языкъ въ этомъ пунктѣ стоялъ въ ближайшемъ родствѣ къ западно-словянскимъ языкамъ, такъ какъ еще много русскихъ памятниковъ остаются неизслѣдованными. Но вѣрно то, что уже въ русскомъ памятникѣ XI в. — Архангельскомъ Евангеліи 1092 г. А. И. Соболевскій отмѣтилъ формы настоящаго времени рьку, рьчеши («Лекціи по ист. русск. языка», 99), а что̀ еще важнѣе, — и въ средне-болгарскомъ Карпинскомъ Евангеліи XIII в. аор. *рьче.*

1) См. въ моемъ «Изслѣдованіи о языкѣ Новгородской лѣтописи», стр. 115, 116, 284.

Послѣднее доказываетъ возможность такихъ формъ и въ южнословянскихъ рукописяхъ и *заставляетъ ограничить утвержденіе, что эти формы не могли попасть въ русскія рукописи изъ южнословянскихъ*, хотя пока мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ и для противоположнаго утвержденія, такъ какъ въ имѣющихся у насъ монографіяхъ по изученію исторіи болгарскаго языка по памятникамъ (П. А. Лаврова «Обзоръ», Калины «Studya», Ягича «Evang. Dobromiri», В. Н. Щепкина «Болонская Псалтырь», Цонева «Добрѣйшово Четвероев.», С. М. Кульбакина «Охридская рукоп. Апост.» и друг.) мы ничего не находимъ для рѣшенія его. Вообще такіе вопросы обычно оставляются безъ вниманія изслѣдователями, такъ какъ не входятъ ни въ главу о звукахъ, ни въ главу о формахъ, а относятся къ мало разработанной темѣ — степени сохраненія праязычнаго чередованія гласныхъ въ той или другой языковой области. Я, впрочемъ, думаю, что въ такихъ тщательныхъ работахъ, какъ выше названныя, не была бы пропущена форма **рьче*, **рьк*— и т. п., если бы она встрѣтилась въ числѣ аористовъ или другихъ глаг. образованій хотя бы съ пропускомъ *ъ;* въ изслѣдованіи Цонева мы, напр., находимъ (стр. 44—45) списокъ всѣхъ коренныхъ слоговъ, въ которыхъ фонетически пропущенъ предполагаемый *ъ* или *ь*, а на стр. 89 мы находимъ указаніе особенностей спряженія и въ числѣ примѣровъ аор. *рѣхъ*, *рѣшѫ*, *рекохѫ*, наст. вр. *речетъ;* то же у Щепкина, стр. 91 — 109 и друг.

Приведенный А. И. Соболевскимъ примѣръ изъ Карпинскаго Евангелія XIII в., вообще, какъ давно замѣчено изслѣдователями, отличающагося стариною въ подборѣ словъ и формъ [1]), замѣчателенъ именно какъ остатокъ, доказывающій, что и старословянскій (= старо-болгарскій) языкъ, какъ одинъ изъ исторически извѣстныхъ и притомъ ранѣе другихъ отпрысковъ южнословянской вѣтви, наравнѣ съ древне-русскимъ и западно-словянскими зналъ слабый видъ этого корня и въ аористическихъ

1) И. В. Ягичъ, Марінское Четвероеванг., 475.

формахъ, какъ наслѣдіе праслов. старины, между тѣмъ какъ древнѣйшіе глаголическіе и кирилловскіе тексты, даже богатая отступленіями Супрасльская рукопись, знаютъ его лишь въ формахъ повелительныхъ. Возможно, конечно, что кромѣ оригиналовъ типа Остромирова Евангелія въ Россію попадали старословянскіе оригиналы иного типа (наприм., тексты моравскаго происхожденія, см. изслѣдованія о нихъ академика Соболевскаго); представляется вопросъ объ оригиналахъ и Архангельскаго и Карпинскаго Евангелій. Но во всякомъ случаѣ отмѣченная Соболевскимъ находка, на которую не мѣшало бы, впрочемъ, указать и изслѣдователю языка Псковской области, не можетъ, мнѣ кажется, пока поколебать нашего мнѣнія о туземности формъ *рък—*, *рьче* и т. п. въ русскихъ памятникахъ.

На стр. 176, въ отдѣлѣ III («анализѣ») своей книги, Н. М. Каринскій, конечно, опять принужденъ говорить и о мѣнѣ *ы* и *и*. Стараясь устранить мнѣніе о южнословянскомъ вліяніи въ этомъ пунктѣ на орѳографію изслѣдуемыхъ имъ рукописей, авторъ дѣлаетъ подъ конецъ какъ будто уступку, за исключеніемъ одного окончанія *мы* вмѣсто *ми* въ формѣ твор. мн. Но послѣднее, какъ уже было указано выше, не можетъ быть названо фонетическимъ, а объясняется морфологической аналогіей.

На стр. 182 — 183 авторъ говоритъ о нѣкоторыхъ примѣрахъ отвердѣнія *р*. Но я и послѣ его замѣчаній не вполнѣ убѣжденъ, слѣдуетъ ли читать *царовна* Псковск. 2-й лѣт. XV в. съ твердымъ *р*, или съ мягкимъ *(царёвна)*, какъ предполагалъ Шахматовъ; вѣдь въ памятникахъ XIV—XV в. отмѣчены примѣры[1]) неточнаго обозначенія *о* послѣ мягкихъ согласныхъ вообще, не только послѣ *р*. При возможности югословянскаго и западнорусскаго вліянія на орѳографію рукописей псковскихъ примѣры, приведенные авторомъ на стр. 31, 56 и др., меня недостаточно убѣждаютъ въ твердости *р* въ языкѣ псковскомъ. Кромѣ того, нѣкоторые примѣры могутъ объясняться разностью

1) А. И. Соболевскій, «Лекціи по исторіи русскаго языка»[4], 61—62.

образованія: Шахматовъ[1]) справедливо объяснилъ мѣну префиксовъ *пре* и *про*, какъ замѣну своимъ русскимъ *про*— церковнословянскаго *пре*— (ст. слав. *прѣ*—) въ заимствованныхъ словахъ. Относительно *кромѣ* (въ записи Пал. 1477 г. *оу крома*) я тоже думаю, что это родственное, но нетожественное образованіе сравнительно съ *кремль;* съ первымъ сравните великорусское *закромъ* и нарѣчіе *кромѣ*. И о самомъ фактѣ отвердѣнія *р* авторъ долженъ бы былъ высказаться яснѣе, къ какому времени онъ относитъ его: считаетъ ли онъ его древнѣе или новѣе аканья, такъ какъ отъ этого вопроса зависитъ рѣшеніе того, какъ получились формы *ракоша* П. 1494 (=*рѣкоша* П. 1477), *ращи (рашї?)* и т. п. Кромѣ того, приводя примѣры аканья и твердости *р*, автору не мѣшало бы выяснить, нѣтъ ли между примѣрами и такихъ, которыя во всякомъ случаѣ, даже при несомнѣнности существованія этихъ зв. явленій въ говорѣ писцовъ, должны объясняться орѳографическимъ путемъ вліянія однѣхъ формъ словъ на другія на письмѣ, напр., не написано ли *ращи* только подъ вліяніемъ *ракоша*, и есть ли основаніе предполагать аканье и въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ, если подъ аканьемъ разумѣть измѣненіе *о* въ *а*, предполагающее болѣе ранній переходъ *е* въ *о*, обусловленный, какъ извѣстно, твердостью слѣдующаго слога.

На стр. 184 — 187 Н. М. Каринскій разбираетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ русской фонетики, вызванный къ изслѣдованію впервые Л. Л. Васильевымъ въ статьѣ «О случаѣ сохраненія общеславянской группы *—dl—* въ одномъ изъ старыхъ нарѣчій русскаго языка» («Р. Ф. В.» 1907 г., № 4, стр. 263—264. По мнѣнію Васильева, нашедшаго въ спискѣ Псковской лѣтописи XVI в. нѣсколько несклоняемыхъ причастій множ. числа на *—ли* отъ корней, оканчивающихся на *д*, напр. *блюлисѧ*, *привели*, *оуседли* (на конь) и др., здѣсь мы имѣемъ доказательство сохраненія праслов. *dl*, измѣ-

1) «Ж. Мин. Нар. Просв.» 1909 г., № 7, стр. 127.

нившагося въ положеніи передъ мягкимъ гласн. въ *gl*, въ одномъ изъ нарѣчій др. русскаго языка. Каринскій, нашедшій, какъ мы видѣли, въ своихъ источникахъ псковскаго языка (Палея 1494 и 1477, Сб. Син. № 154) такія же формы, а кромѣ того «*соустрѣкли*» и «*чѣкли*», объясняетъ ихъ не болѣе, какъ аналогіей формъ *блюду — блюли*, *веду — вели* съ одной стороны и *бѣгу — бѣгли*, *везу — везли* съ другой. По его мнѣнію, «было бы слишкомъ смѣлымъ относить спеціально псковскую діалектическую черту» ко времени «до исчезновенія *д* и *т* передъ *л*» на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ XV—XVI вв., такъ какъ исчезновеніе мгновенныхъ зубныхъ передъ *л* свойственно всему русскому языку, засвидѣтельствовано древнѣйшими памятниками и, кромѣ того, является особенностью языковъ болгарскаго и сербскаго, слѣдовательно должно быть относимо не только «къ общерусской эпохѣ», но даже къ говорамъ «общеславянскаго языка». Нельзя не похвалить осторожности автора, располагавшаго по отношенію къ этому явленію болѣе обильнымъ матеріаломъ (ему удалось указать не только *—ли* вм. *—*дли*, но и *кли* вм. **тли)*, чѣмъ его предшественникъ. Объясненіе Н. М. Каринскаго кажется удовлетворительнымъ его первому рецензенту А. А. Шахматову,[1]), который также называетъ эти причастныя формы новообразованіями. Но второй рецензентъ, академикъ А. И. Соболевскій, со статьею котораго[2]) мы познакомились только во время составленія нашего критическаго отзыва, ограничившись лишь нѣсколькими строками о книгѣ Н. М. Каринскаго и ни словомъ не упомянувъ объ его объясненіи разсматриваемыхъ формъ, повидимому, молчаливо становится на сторону объясненія Л. Л. Васильева, развивая его новыми сравненіями и глубже вникая въ причину и условія возникновенія этого явленія. Уже Каринскій (стр. 186—187) привлекъ къ сравненію формы польскихъ говоровъ, имѣющія *gl*

1) «Ж. Мин. Нар. Просв.» 1909 г., № 7. стр. 175.

2) «Важная особенность стараго псковского говора» — «Р. Ф. В.» 1909 г. №№ 3—4 (т. LXII), стр. 231 — 234.

вм. *dl*. Къ этимъ даннымъ А. И. Соболевскій прибавляетъ изъ кашебскаго (словинскаго) примѣръ *g* даже передъ твердымъ ł (žągło), а кромѣ того литовское ẽglė и строитъ очень интересную гипотезу въ духѣ волнообразной теоріи І. Шмидта: по его мнѣнію, въ глубокой древности, когда еще во всемъ общемъ словянскомъ языкѣ сохранялись группы *дл* и *тл*, нѣсколько говоровъ «общеславянскаго» (по нашему, = прасловянскаго) языка получили измѣненіе *д* и *т* этихъ групъ въ *г* и *к*, и «это были тѣ говоры, которые въ то время сосѣдили съ пра-литовскими говорами». «Съ теченіемъ времени», продолжаетъ А. И. [1]), «одни изъ этихъ говоровъ (большая часть) вошли въ составъ польскаго языка, другіе—въ составъ полабскаго (остатокъ его кашебскіе говоры), третьи—въ составъ русскаго». Всѣ эти говоры должны были сосѣдить географически и быть переходными по отношенію другъ къ другу, и такимъ переходнымъ говоромъ отъ восточныхъ говоровъ прасловянскаго языка къ сѣверо-западнымъ былъ отдаленный предокъ псковского говора.

Передъ нами заманчивая теорія, развитая нашимъ маститымъ ученымъ со свойственною ему талантливостью. Признаюсь, мнѣ самому кажется весьма вѣроятною такая точка зрѣнія: почему въ самомъ дѣлѣ *гл* явилось въ сѣверо-западномъ углу русской области, почему памятники болѣе восточныхъ областей не даютъ намъ такихъ указаній? Единственный примѣръ, кстати мнѣ извѣстный очень давно (онъ отмѣченъ въ моихъ черновыхъ матеріалахъ еще въ 1884 г., а недавно, въ маѣ 1909 г., сообщенъ въ частномъ письмѣ Л. Л. Васильеву въ отвѣтъ на присланную имъ статью), но въ печати сообщенный теперь впервые А. И. Соболевскимъ [2]), въ Синод. спискѣ 1-й Новгор. лѣтописи, стр. 210. 9—10. (позволяю себѣ привести его нѣсколько полнѣе еще разъ): пльсковї|ци же тъгда бѧхоу подъвегли нѣмь|ци и чю҆·лотъıголоу и либь·и ѿпо҆у|ша ꙗ опѧ҆·а тѣхъ·кто ималъ

1) Ibid. 233.
2) Ibid. 234.

прида|тъкъ у ꙗросл҃а. выгнаша исъ пльско|ка. Этотъ единственный примѣръ приходится на разсказъ о *псковскомъ* событіи, какъ замѣчаетъ А. И. Соболевскій, и это обстоятельство обязываетъ насъ воздержаться вслѣдъ за нимъ отъ риска приписать форму «подъв*егли*» древнему новгородскому говору. Но съ другой стороны, если мы имѣемъ передъ собою остатокъ глубокой прасловянской древности, почему *гл* не встрѣтилось изслѣдователямъ въ корняхъ словъ, а также въ суффиксѣ — *dlo?* Почему *молитвою*, *помолившеся*, *правилехъ* и друг. мы находимъ въ Погод. лѣт. № 1413 безъ *д*, на что̀ справедливо обращаетъ вниманіе Н. М. Каринскій? Это все вопросы, которые заставляютъ насъ колебаться въ окончательномъ рѣшеніи и ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но А. И. Соболевскій обратилъ вниманіе въ той же статьѣ еще на одинъ фактъ сближенія фонетическихъ особенностей польскихъ и нѣкоторыхъ русскихъ говоровъ — сохраненіе *g* изъ d передъ *n:* діал. польск. s*tyg*nąć вм. s*tyd*nąć, въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ *стыгнуть* и —*стыгати*. Интересно, что А. И. склоненъ такъ же объяснять и весьма обычное въ великорусскихъ говорахъ и русскомъ литературномъ языкѣ *пугнуть* (рядомъ съ *испугъ*, *пугать*), при чемъ для него исходной точкой, конечно, является не *пугать*, о которомъ мы упоминали выше, а *пугнуть*. Дѣйствительно, такое объясненіе *пугать* кажется вѣроятнымъ [1]), но что̀ дѣлать съ *пускать?* Его едва ли можно объяснить вліяніемъ родственнаго *пускнуть, которое не доказано. Окончательное рѣшеніе и здѣсь принадлежитъ будущему (сравн. у Каринскаго, стр. 186, примѣч. 2). Формы *сустрѣкати* и т. п. (въ другихъ спискахъ 1-й Псковской лѣтописи) напоминаютъ бѣлорусскія *устракаюцца* (Смирновъ, Сб. древнерусскихъ памятн. 205—206), *прыстрѣки*, *сустрэкаиць яго* (Бѣлорусск. Сб. [2]) Шейна, 257) и друг. въ Могилевской, Витебской, Минской губ. (ibid. 3, 4, 63, 535).

1) Оно позволяетъ предположить, что и *намекнуть* можетъ восходить къ **наметнуть* (какъ бы = «набросать»).

2) Сборникъ Отдѣл. русск. языка и слов., т. LVII, С.-Пб. 1893.

На стран. 202-й Н. М. Каринскій въ сноскѣ внизу говоритъ, что «не невозможно предположить совмѣщеніе діалектическихъ разнообразій даже въ говорѣ отдѣльныхъ лицъ», и что «трудно объяснять иначе написаніе формы *есмо* въ тѣхъ же рукописяхъ, въ которыхъ обычно пишется *есме*». Я полагаю, что есть другой, гораздо болѣе естественный способъ объясненія: *есмо* предполагаетъ западно-русскій оригиналъ, *есме* — сѣверно-русское традиціонное или, можетъ быть, еще и живое произношеніе XV в. Невыдержанность языка древнерусскихъ рукописей съ точки зрѣнія діалектической дѣло весьма обычное, легко объяснимое при частой перепискѣ съ одного подлинника въ разныхъ мѣстностяхъ.

Этимъ я заканчиваю оцѣнку частныхъ недостатковъ и достоинствъ книги Н. М. Каринскаго. Остается сказать нѣсколько словъ объ общихъ выводахъ автора и подвести итоги его изслѣдованію.

Главныя діалектическія черты псковскаго говора XIV в., возстановленныя на основаніи 9 рукописей проф. А. И. Соболевскимъ 25 лѣтъ тому назадъ, а именно: 1) переходъ *а* въ *е* и *е* въ *а*, 2) переходъ *о* въ *а* въ слогахъ неударяемыхъ, 3) рѣдкая замѣна *ъ* черезъ *и* и полное смѣшеніе *ъ* и *е*, 4) мѣна *е* и *и*, 5) замѣна *в* черезъ *у*, 6) мѣна *и* и *ч*, 7) мѣна *з* и *ж*, *с* и *ш*; 8) *жг* вм. ц. сл. *жд*, 9) пропускъ *в* передъ *л*, 10) мѣстн. ед. на *у* въ собств. именахъ, 11) 1 л. мн. *есме*, отмѣчены Н. М. Каринскимъ и въ памятникахъ XV в. Но кромѣ нихъ авторъ новаго изслѣдованія о псковскомъ нарѣчіи отмѣтилъ другія, которыя, по его мнѣнію, дѣлятся на 2 категоріи: однѣ существовали и до XV в., но случайно не отразились въ рукописяхъ XIV в. потому, что эти рукописи были бѣднѣе содержаніемъ и представляли церковнославянскія богослужебныя книги, переписанныя псковичами; другія (совпаденіе *е* съ зв. *и* въ неудар. слогахъ, твердое *р*, мѣна *у* и *о*, замѣна *ф* черезъ *х*, 1 л. мн. *ссмо*) должны были развиться вновь и распространиться къ XV в. по псковской территоріи. Авторъ отмѣчаетъ при общемъ согласіи

памятниковъ разнообразіе въ частностяхъ: отсутствіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ случаевъ мѣны *у* и *в* при нерѣдкомъ оконч. 3 л. глаг. на *ть*, наоборотъ присутствіе яркихъ примѣровъ этой мѣны въ большинствѣ другихъ при послѣдовательномъ *ть* въ 3 л.; Ф. 1 л. мн. ч. *есмо* въ спискахъ Псковской лѣтописи и Палеи 1477 г. при обычномъ сѣверномъ *есме* въ тѣхъ же и другихъ псковскихъ рукописяхъ XV в.; рѣдкое яблыко въ Сб. Соф. Библ. № 1262 съ ы вм. ъ при полномъ отсутствіи мѣны *ы* и *и* и друг. Далѣе авторъ дѣлитъ всѣ черты языка Псковской области въ XV в., извлеченныя имъ изъ памятниковъ, на 3 категоріи: къ *первой* онъ относитъ *цоканье*, *шепелявость*, замѣну *ѣ* черезъ *и*, *жг* вм. *жд* (дожгА Син. Сб. № 154, Погодинскій списокъ Псковской лѣтописи, *дожгА* Погодинскій списокъ Псковской лѣтописи, *дожгоу* въ Син. Сб. № 68—270, слѣдовательно какъ съ замѣною *ж* черезъ *з*, такъ и съ отвердѣніемъ *г*), мѣну *е* и *а*, *г* и *к* въ «вегли», «чькли», им. ед. м. р. на *е*, 1 л. мн. есме; ко *второй* — рѣзкое измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ, твердое *р*, *х* вм. Ф, *ы* въ «яблыко», мѣну *у* и *в*, 1 л. мн. *есмо*; къ предполагаемой *третьей*, въ существованіи которой авторъ самъ сомнѣвается,— мѣну *ы* и *и*, еслибы доказано было ея звуковое значеніе, и оконч. *ть* въ формѣ 2 л. мн. ч. Н. М. Каринскій говоритъ (стр. 202), что *факты первой категоріи принадлежали*, вѣроятно, *старому говору псковскому*, *факты второй категоріи сближаютъ псковскій говоръ съ западнорусскимъ*,—*третьей категоріи — съ южнорусскимъ*. Наличность явленій, сближающихъ языкъ Пскова XV в. съ говорами западно- и даже южно-русскими, авторъ объясняетъ колонизаціею бѣлоруссовъ и даже, «можетъ быть, сѣверно-малороссовъ», прибавляетъ авторъ съ знакомъ вопроса, въ Псковскую область (стр. 203).

Въ своемъ предположеніи о колонизаціи съ юга въ Псковскую область Н. М. Каринскій опирался на ранѣе высказанное предположеніе академика А. А. Шахматова (Ж. Мин. Нар. Пр. 1899 г.) въ извѣстной статьѣ «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей», а именно о движеніи

дреговичей въ область кривичей. Авторъ предполагаетъ, что до окончательной формировки того типа языка, который отразился въ памятникахъ XV в., былъ періодъ колебаній, выражавшійся иными комбинаціями западнорусскихъ и сѣверорусскихъ особенностей, отразившійся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ «съ менѣе яркой діалектической окраской». Авторъ предвидитъ возможность мнѣнія о *литературномъ* вліяніи на Псковъ западной Руси. Но онъ сейчасъ же спѣшитъ оговориться, что это предположеніе не можетъ ослабить приведенныхъ свидѣтельствъ рукописей. Не отрицая дѣятельныхъ сношеній Пскова съ Литвою и теоретической возможности литературнаго, хотя и второстепеннаго, вліянія, Н. М. Каринскій однако утверждаетъ, что ему не удалось найти псковскихъ копій съ западнорусскихъ рукописей и указаній на обмѣнъ рукописнымъ матеріаломъ между Псковомъ и западной Русью, и что наоборотъ несомнѣнны литературныя связи Пскова съ Новгородомъ и вліяніе на письменность псковскую московско-новгородскаго дѣлового языка XIV—XV вв. Имѣя въ виду, что въ псковской письменности, благодаря проникновенію въ языкъ Псковской области особенностей западнорусскихъ (бѣлорусскихъ), проявились нѣкоторыя бѣлорусскія черты, авторъ справедливо оцѣниваетъ значеніе псковскихъ рукописей, какъ источниковъ для хронологіи нѣкоторыхъ звуковыхъ явленій въ бѣлорусскомъ языкѣ. Такъ какъ, съ одной стороны, собственно бѣлорусскіе памятники съ яркими діалектическими чертами извѣстны съ конца XIV в., съ другой стороны, памятники псковскіе XIV—XV вв. уже содержатъ яркіе бѣлорусизмы, то, имѣя въ виду, что образованіе новаго говора, какъ слѣдствіе смѣшенія колонистовъ съ туземцами, требовало времени жизни по крайней мѣрѣ двухъ поколѣній, что колонизація совершалась постепенно, и что нужно искать, такимъ образомъ, начала колонизаціи, по мнѣнію автора, въ XIII—XIV вв., мы можемъ на основаніи псковскихъ источниковъ установить существованіе нѣсколькихъ бѣлорусскихъ особенностей раньше приблизительно на полъ столѣтія, чѣмъ на основаніи собственно западно-русскихъ памятниковъ.

Таковы интересные выводы Н. М. Каринскаго. Они построены на строго фактическомъ матеріалѣ, почерпнутомъ изъ первоисточниковъ. Авторъ стоитъ на строго реальной точкѣ зрѣнія и не строитъ новыхъ гипотезъ тамъ, гдѣ отсутствуютъ факты. На разсужденіе о фактахъ онъ не тратитъ много мѣста. Обильный фактическій матеріалъ, имѣвшійся у него подъ руками, онъ сумѣлъ изложить въ сжатой формѣ, не стараясь о выясненіи каждаго факта, а предоставляя источникамъ самимъ говорить о себѣ. Хотя въ изложеніи, группировкѣ и объясненіяхъ матеріала кое гдѣ замѣтны неточности, тѣмъ не менѣе въ общемъ авторъ вполнѣ удовлетворительно справился со своей задачей и во многихъ случаяхъ проявляетъ похвальную осторожность въ объясненіи рѣдкихъ явленій, предпочитая видѣть новообразованія тамъ, гдѣ при нѣкоторой смѣлости можно предполагать праславянскую древность. Но все-таки возможно сдѣлать автору нѣкоторыя возраженія и относительно способа пользованія матеріаломъ для извлеченія изъ него діалектическихъ данныхъ. А именно, всякому изслѣдователю исторіи русскаго языка приходится имѣть дѣло съ матеріаломъ весьма сложнаго характера, благодаря тому обстоятельству, что рукописи, заключающія его, представляютъ въ большинствѣ случаевъ копіи не съ оригиналовъ, а съ многочисленныхъ копій, прошедшихъ черезъ различныя школы письма и отразившихъ различныя діалектическія наслоенія. Кромѣ того, и оригинальныя произведенія нерѣдко отражаютъ не діалектическія особенности среды, а особенности правописанія извѣстной школы, выработавшейся подъ вліяніемъ иноземныхъ традицій и фонетическихъ особенностей иныхъ словянскихъ языковъ. Но пнословянскія (южнословянскія) вліянія сказывались различно въ различныя времена русской письменности: между тѣмъ какъ въ первые вѣка ея мы видимъ, какъ постепенно старословянское, притомъ уже съ различными діалектическими слѣдами, правописаніе измѣняется подъ вліяніемъ русскаго произношенія, и какъ мало-по-малу вырабатывается русская редакція церковно-словянскаго языка, въ которой мы видимъ только тѣ отступленія

отъ старословянской орѳографіи, которыя объясняются звуковыми отличіями русскаго языка, въ концѣ XIV в., когда русская редакція уже вполнѣ выработалась, и русскіе писцы отдѣлались отъ многихъ лишнихъ и неудобныхъ съ точки зрѣнія русскаго языка особенностей старословянской графики (напр., исключили ѫ, утилизировали сообразно духу русскаго языка буквы ѧ и ѩ, упорядочили употребленіе ѕ и ъ сообразно русскому произношенію, избавились отъ безсмысленнаго съ точки зрѣнія русскаго языка употребленія буквы ы рядомъ съ и, нерѣдкаго еще въ памятникахъ XI в., напр., Изборн. 1073 г.), начинается усиленный ввозъ въ русскіе культурные центры югословянскихъ рукописей[1]), при томъ уже не въ прежней, болѣе чистой, старословянской оболочкѣ, а въ средневѣковой южнословянской, то болгарской, то сербской редакціи. Но этотъ ввозъ южнословянскихъ книгъ и вызванное имъ вліяніе на орѳографію и языкъ русскихъ книгъ были различны какъ по характеру книгъ, такъ и по путямъ, которыми онѣ шли, на юго-западѣ и сѣверо-востокѣ Руси. Кромѣ того, и самое движеніе южнословянской книжности въ южную Русь началось ранѣе, чѣмъ въ сѣверную. Между тѣмъ какъ сѣверо-восточная Русь получала южнословянскія книги, нахлынувшія въ XIV—XV вв., изъ Царьграда и Аѳона, юго-западная Русь, какъ замѣчаетъ академикъ Шахматовъ[2]), получала ихъ изъ Охриды черезъ Валахію и Молдавію; это случилось именно тогда, когда Кіевъ, получавшій южнословянскія книжныя сокровища, вѣроятно, прямо изъ центровъ болгарскаго просвѣщенія, былъ уничтоженъ татарами, и вмѣстѣ съ церквами и монастырями погибли накопленныя книжныя богатства. Южнословянское вліяніе на сѣверѣ Руси сказывается только съ конца XIV в. На югѣ же можно указать яркіе памятники его уже въ послѣдней четверти XIII в. (Евсевіево Евангеліе 1283 г., писанное въ Галичинѣ), а отдѣльные слѣды его А. А. Шахма-

1) А. И. Соболевскій, Южнославянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вв., стр. 8—12. Его-же, Славяно-русская палеографія, стр. 85—88.

2) Ж. Мин. Нар. Пр. 1909, № 7, отд. 2, стр. 166—171.

товъ[1]) и я можемъ указать даже въ Добриловомъ Евангеліи 1164 г.: *чреплющю* л. 22г, Іо. IV. 14 вмѣсто болгарско-сербскаго **слѣплющю*, болгарскаго (въ)слѣплѫщѫ (Трновск. Ев.), старо-словянскаго въслѣплѭщѧ[2]); интересно также съ поправкой ѧ на ꙋ новою рук. сѧгоубѣи|ша л. 78в. 5-6, Мтѳ. XXIII. 15, гдѣ другіе древніе тексты читаютъ соу— (Мар. Зогр.) и даже болгарское Добрѣйшово XIII в. сꙋ— (Цоневъ, 113). Не могу только согласиться съ А. А. Шахматовымъ въ томъ, чтобы и примѣры Добрилова Евангелія про|сыти 139г. 1-2 (снизу), съвѣ|таныкъ 186г 8-9 были непремѣнно южнословянизмы, какъ не могу согласиться и съ А. Е. Крымскимъ[3]), видящимъ въ нихъ страннымъ образомъ новгородизмы или сѣверно-великорусизмы; я думаю, что здѣсь мы имѣемъ уже отраженіе на письмѣ южнорусскаго отвердѣнія согласныхъ передъ *и*; съ палеографической стороны, впрочемъ интересно, что вмѣсто обычнаго въ Добриловомъ Евангеліи ꙑ въ примѣрѣ «съвѣтаныкъ» мы встрѣчаемъ южнословянское ы.

Южнословянскія рукописи, приходившія въ юго-западную Русь, проникали и въ западную. Шахматовъ въ цитируемой неоднократно статьѣ «Объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в.», стр. 150—166 и слѣд., достаточно ясно показалъ, что одинаковые пріемы письма обнаруживаются въ рукописяхъ южнорусскихъ и западнорусскихъ, въ Кіевщинѣ, Волыни, Галичинѣ, Смоленскѣ и Литовской Руси. Онъ доказалъ также, что существовало взаимное литературное общеніе Пскова и западной Руси на примѣрѣ лѣтописи Авраамки, написанной въ Смоленскѣ въ 1495 г. и заключающей между прочимъ «Новгородскую лѣтопись поздней редакціи», которая содержится въ

1) Ibid. 163 (заблюжьшая, *тко* 17г). Сравн. частое *ю* вм. оу въ Мирослав. Ев.

2) Уже въ Зограф. Ев. XI в. вьслѣплѫштѫѭ съ б. ѫ вм. ѧ. Б. Ляпуновъ, Изъ наблюденій надъ языкомъ древнерусскихъ и старо-словянскихъ памятниковъ, стр. 679—680 (Zbornik u slavu V. Jagića, Berlin 1908).

3) Крітерії діялектольоґічної клясифікації старо-руських рукописів (1906), стр. 19. Также см. его «Украинскую грамматику», т. I, вып. 1 (1907 въ Москвѣ), стр. 65.

Синод. Сб. № 154, описанномъ Н. М. Каринскимъ на стр. 63—76 его труда. По мнѣнію Шахматова, какъ Новгор. лѣтопись, вошедшая въ Сб. Син. № 154, такъ и лѣтопись Авраамки восходятъ къ лѣтописному своду, составленному въ Псковѣ, такъ какъ болѣе вѣроятно, что новгородскіе лѣтописные источники, изъ которыхъ составлена эта «Новгородская лѣтопись поздней редакціи», подверглись соединенію и переработкѣ въ Псковѣ, чѣмъ въ Смоленскѣ. Это мнѣніе А. А. Шахматовъ подтверждаетъ и разборомъ графическихъ особенностей лѣтописи Авраамки, которыя оказываются тожественными съ особенностями псковскихъ памятниковъ (стр. 151—154). Далѣе Шахматовъ доказалъ, что сходные пріемы письма существовали и въ другихъ западнорусскихъ памятникахъ (Супрасльскомъ Сб. князей Одинцевичей 1519 г. и друг.) Все это привело почтеннаго академика къ естественному выводу о *книжномъ обмѣнѣ между Псковомъ и Западною Русью:* черты правописанія, которымъ трудно подыскать соотвѣтствіе въ живыхъ говорахъ — псковскихъ и бѣлорусскихъ, объединяютъ памятники псковскіе и бѣлорусскіе. Изъ такихъ чертъ можно отмѣтить *е* вм. *я* въ клетвоу (подъ удар.), *и* вм. *ы*, *ы* вм. *и* и нѣкоторые другіе. Выводъ Шахматова является пополненіемъ пробѣла, который находимъ въ утвержденіи Н. М. Каринскаго, что ему «не удалось найти псковскихъ копій съ западнорусскихъ рукописей.... и указаній на обмѣнъ рукописнымъ матеріаломъ между Псковомъ и Западной Русью» (стр. 205). Какъ скоро такой обмѣнъ становится вѣроятнымъ, а съ другой стороны, если мы знаемъ о проникновеніи южнословянскихъ особенностей графики въ Западную Русь, мы можемъ объяснить себѣ многія черты описанныхъ Н. М. Каринскимъ рукописей, которыя почти необъяснимы тѣмъ путемъ, на который сталъ нашъ авторъ. Н. М. Каринскому для бо́льшей прочности своихъ выводовъ о языкѣ Псковской области предстояло именно произвести весьма сложное изслѣдованіе частію литературнаго характера объ отношеніи разбираемыхъ имъ рукописей къ западнорусскимъ и югословянскимъ. Нѣкоторые на-

меки на послѣднія мы уже находимъ у него (въ каждомъ памятникѣ онъ отмѣчаетъ югословянское вліяніе), но при болѣе внимательномъ отношеніи къ югословянскимъ текстамъ, а затѣмъ текстамъ западно- и юго-западнорусскимъ, онъ увидалъ бы, что многое, что̀ является непонятнымъ съ точки зрѣнія современной діалектологіи, становится понятнымъ при предположеніи литературнаго обмѣна. Какъ, напр., объяснить при взглядѣ Н. М. Каринскаго твердость *р* въ псковскомъ говорѣ XV в., если сосѣдніе сѣверо-восточные говоры бѣлорусскіе какъ разъ являются мягко-ерыми [1])? Какъ объяснить смѣшеніе буквъ *ы* и *и*, если всему бѣлорусскому нарѣчію чуждо смѣшеніе звуковъ *ы* и *и*? Неужели вѣроятно движеніе сѣверныхъ малоруссовъ до Пскова черезъ всю бѣлорусскую область? Наконецъ, какъ объяснить многіе случаи смѣшенія твердыхъ и мягкихъ слоговъ, случаи *у* вм. *о* и другіе, которые не подходятъ къ даннымъ современной діалектологіи? Многое, можетъ быть, пришлось бы отнести на счетъ сложной графики, прошедшей черезъ области разныхъ діалектическихъ вліяній, если-бы авторъ сочиненія менѣе полагался на точность изображенія звуковъ въ изслѣдуемыхъ имъ памятникахъ. Но въ частности, что касается мѣны буквъ *е* и *а* послѣ мягкихъ согласныхъ (съ одной стороны вре*мѣ*, *воле*, съ другой—*при царя)*, то мнѣ не совсѣмъ понятно, почему бы мы вмѣстѣ съ А. И. Соболевскимъ и за нимъ Н. М. Каринскимъ не могли объяснить эти случаи и съ точки зрѣнія фонетической: звукъ *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ былъ близокъ къ *а* (было приблизительно *ä* [2]) въ положеніи послѣ мягкаго согласнаго), а такъ какъ вмѣсто *а* въ положен. послѣ мягкаго согласнаго произносилось также *ä* (по выводамъ А. И. Томсона въ общерусскомъ произношеніи всякій слогъ, изображаемый сочетаніемъ согласной съ буквою *я*, напр. *тя, дя, мя, вя* . . . ., звучитъ не *t'a, d'a, m'a*,

1) См. карту бѣлорусскихъ говоровъ проф. Е. Ѳ. Карскаго въ I т. соч. «Бѣлоруссы».

2) См. физіологическую таблицу гласныхъ въ курсѣ «Общаго языковѣдѣнія» А. И. Томсона, стр. 165.

v'a и т. п., а *t'ä*, d'ä, m'ä ....), то естественно на письмѣ путали буквы ѧ, *ъ* и *е*; смѣшеніе *ъ* и *е* понятно, такъ какъ и въ сосѣднихъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ говорахъ звуки *ъ* и *е* совпали въ одномъ. Я думаю, что при одинаковомъ среднемъ произношеніи конечнаго гласнаго между *а* и *е*[1]) должны быть понятны написанія *воле*, *бурѣ* и *поля*, *моря* (им. ед.) и друг. под.; написанія *ращи*, *ракоша* (хотя бы первое лишь подъ вліяніемъ второго) намъ также понятны, если въ памятникѣ доказаны слѣды измѣненія вообще неудар. *о* въ *а;* только нѣтъ возможности предполагать, что отвердѣніе *р* предшествовало измѣненію *е* въ *о* и *а*. Написанія *морѣ* (вин. мн.) и при *царя* (запись) въ Палеѣ 1494, о будоущимъ о*гня* и т. п. для меня также вполнѣ понятны, если мы предположимъ, что и ударяемые звуки *е* и *а* въ конечномъ открытомъ слогѣ совпали въ одномъ среднемъ *ä*. Я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію нашего автора, что въ Псковѣ еще до развитія аканья уже существовали какія то измѣненія гласныхъ *а* и *е* въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ[2]). Только нѣтъ нужды говорить о «мѣнѣ *е* и *а*» или объ одновременномъ переходѣ *а* въ *е* и обратно *е* въ *а*, если рѣчь идетъ о звукахъ, а не о буквахъ. Фонетически объясняется также и неоднократно встрѣчающееся ѧ въ колясници, коляса и т. п.[3]) (сравните нынѣшн. русск. литер. *коля́ска*) Палея 1477 г. Вслѣдствіе всего этого меня не убѣждаетъ замѣчаніе А. А. Шахматова въ его не разъ упомянутой весьма цѣнной рецензіи на стр. 127 — 128: почему ему кажется невозможнымъ написаніе *воле* вм. *воля* рядомъ съ *при царя* вм. *при царѣ*, если мы знаемъ, что *каждое написаніе есть только приблизительная передача произношенія?* Вѣдь, конечно, кромѣ того, намъ хорошо извѣстно, что рядомъ съ написаніями, приблизительно передающими звуки, въ каждомъ памятникѣ независимо отъ вліянія оригиналовъ есть цѣлый рядъ написаній, ничего общаго со звуками даннаго слова

1) Такъ именно и понимаетъ это явленіе Н. М. Каринскій, стр. 154.
2) Н. М. Каринскій, стр. 156.
3) А. А. Шахматовъ, Изслѣдованія въ области русск. фонетики, стр. 84, 85.

не имѣющихъ, а доказывающихъ лишь образовавшійся, благодаря обозначенію дѣйствительнаго произношенія въ сходныхъ случаяхъ, письменный навыкъ, своего рода *графическую аналогію*. Разъ у писца явилось наблюденіе, что *въ извѣстныхъ случаяхъ* буквы *е*, *ъ* и ѧ, ѫ служатъ для изображенія одного и того же приблизительно звука, онъ невольно, въ особенности въ словахъ книжнаго церковно-словянскаго происхожденія, будетъ *вообще* путать ихъ употребленіе. Мнѣ приходилось наблюдать въ малограмотныхъ письмахъ употребленіе буквъ совсѣмъ несоотвѣтственно произношенію (напр., *и* вм. удар. *е*, между тѣмъ какъ въ говорѣ даннаго лица совпадаютъ лишь неударяемые *е* и *и*). Я думаю, что и изъ древнихъ памятниковъ, какъ источниковъ для исторіи языка, мы можемъ привести очень убѣдительный примѣръ неточности письменныхъ данныхъ для сужденія объ языкѣ, если изслѣдователь захочетъ предъявить къ нимъ неумѣренныя требованія. Я напомню о недавней полемикѣ проф. А. Е. Крымскаго съ академикомъ А. И. Соболевскимъ. Проф. Крымскій въ своихъ статьяхъ («Филологія и Погодинская гипотеза», «Деякі непевні крітерії»....) и въ «Украинской грамматикѣ» (т. I, вып. 1, стр. 51—56) считаетъ искусственнымъ, занесеннымъ изъ южнословянскихъ рукописей (послѣднее при провѣркѣ оказывается мало обоснованнымъ) правописаніе тѣхъ памятниковъ, которые академикъ Соболевскій назвалъ «галицко-волынскими», главнымъ образомъ потому, что не для каждаго примѣра этихъ памятниковъ, заключающаго *ъ* вм. *е* въ положеніи передъ слогомъ съ *ъ*, мы находимъ соотвѣтствіе въ живомъ малорусскомъ языкѣ; что мало того — мы находимъ даже цѣлую категорію словъ, имѣющихъ въ этихъ памятникахъ *ъ* вм. *е*, соотвѣтственно которому въ нынѣшнихъ малорусскихъ говорахъ обычно слышится *е*, не смягчающее предш. согласнаго, это — формы 3 л. ед. ч. 1-го спряженія: буд*е*, нес*е*, прид*е* и проч., которыя написаны въ этихъ памятникахъ какъ буд*ъ*ть, нес*ъ*ть, прид*ъ*ть..... Но можемъ ли мы, зная неточность выраженія звуковъ на письмѣ вообще, принимая во вниманіе вліяніе школы, церковно-словян-

ской традиціи и проч., требовать отъ писца точнаго обозначенія произносимыхъ имъ звуковъ? Не вѣроятно ли, что писецъ, подмѣтивъ извѣстное соотвѣтствіе въ однихъ случаяхъ, переносилъ сходныя написанія на другіе по *графической аналогіи?* Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ письмо, особенно при тѣхъ сложныхъ условіяхъ, въ которыхъ работали древнерусскіе писцы, считать зеркаломъ языка? Не достаточно-ли для насъ пользоваться написаніями древнихъ памятниковъ лишь какъ матеріаломъ для указанія общаго звукового закона? И въ этомъ отношеніи наблюденіе А. И. Соболевскаго имѣетъ огромное значеніе для изученія исторіи малорусскаго нарѣчія, и значеніе это нисколько не колеблется отъ такихъ, на мой взглядъ, наивныхъ возраженій, какъ только что указанное. Не будемъ говорить о томъ, что формы *будеть* и *буде* двѣ искони разныя[1]) формы 3 л. един. чис., что въ 1-й фонетически необходимо долженъ былъ развиться *ѣ (iē)*, изъ котораго въ украинскомъ нарѣчіи получилось бы *і* такъ же, какъ въ *піч*[2]) изъ *пѣчь* (праслов. *pečtь), и что вопросъ о томъ, почему въ нынѣшнемъ малорусскомъ языкѣ мы имѣемъ потомки второй, а не первой формы, требуетъ особаго изслѣдованія и не имѣетъ ничего общаго съ фонетическимъ закономъ измѣненія *ē* въ *ѣ (iē)* въ слогѣ передъ сочет. «согласн. + *ъ*».

Я отвлекся слишкомъ далеко въ сторону отъ предмета. Но это было необходимо, чтобы показать, что не все, несоотвѣтствующее *буквально* живому произношенію, въ письменныхъ памятникахъ обязательно отражаетъ не туземное, а иноземное произношеніе, обязательно перенесено изъ оригиналовъ иной словянской среды. Выше я сдѣлалъ вслѣдъ за академикомъ Шахматовымъ упрекъ Н. М. Каринскому въ недостаточной

---

1) Академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, «Старослав.—тъ въ 3-мъ л. глаголовъ» (Извѣст. XIII, 1908), стр. 28. Ранѣе это высказано А. И. Соболевскимъ въ «Изслѣд. въ области русской грам.» (1881), стр. 83.

2) Памятники (Добрил. Ев. и друг.) имѣютъ написаніе пѣчь; неужели церковно-словянская оболочка (*щ* вм. *ч*) и тутъ должна внушать намъ подозрѣніе въ знаменательности *ъ* вм. *е*?

оцѣнкѣ изученныхъ имъ памятниковъ съ точки зрѣнія отношенія къ ихъ оригиналамъ. Теперь я защищаю нашего автора и нахожу, что и указанный А. А. Шахматовымъ путь исканія первоисточниковъ можетъ довести до противоположной крайности, которая будетъ граничить съ отрицаніемъ всякаго значенія древнерусскихъ памятниковъ, какъ источниковъ для исторіи живого языка. Находя, что въ извѣстныхъ пунктахъ возраженія Шахматова имѣютъ силу, я прихожу къ тому заключенію, что въ памятникахъ псковской письменности многое изъ того, что академикъ Шахматовъ считаетъ заимствованнымъ изъ памятниковъ западнорусскихъ, мы вмѣстѣ съ Н. М. Каринскимъ въ правѣ относить на счетъ неточнаго изображенія звуковъ живого языка, примыкая къ этомъ отношеніи отчасти къ прежнимъ мнѣніямъ А. А. Шахматова, изложеннымъ въ «Изслѣд. въ обл. русск. фонет.».

Такимъ образомъ, къ чертамъ древне-псковскаго нарѣчія я, кромѣ указанныхъ академикомъ Шахматовымъ на стр. 175—176 его «Замѣтокъ», считаю необходимымъ присоединить изъ вокализма, по крайней мѣрѣ, совпаденіе въ одномъ звукѣ неударяемыхъ *е* и *и*, а также въ извѣстныхъ случаяхъ звуковъ *е* и *а* послѣ мягкихъ согласныхъ. Сомнѣваясь относительно существованія въ живомъ языкѣ Псковской области твердаго *р* вмѣсто мягкаго, я не вижу основанія, почему бы намъ не принять для языка этой области близость и мѣну *у* и *в*, *х* вмѣсто *ф*, *ф* вмѣсто *хв*. Вѣдь подобныя явленія извѣстны въ разныхъ великорусскихъ говорахъ, а *у* вмѣсто *в* встрѣчается въ разныхъ сѣверноруссскихъ памятникахъ (см. Собол., Лекціи[4], стр. 120—122), и въ псковскихъ памятникахъ *у* вмѣсто *в* отмѣчено часто уже въ XIV в. (ibid. 120), хотя и не было отмѣчено обратное (ibid. 122). А что касается близости псковскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, то и Шахматовъ признаетъ *исконную* связь этихъ нарѣчій, вызванную исконнымъ сосѣдствомъ псковичей и бѣлоруссовъ; только въ признаніи *исконности* этой близости Шахматовъ расходится съ Н. М. Каринскимъ. Несомнѣнно, однако, что въ

болѣе позднее время эта близость не уменьшилась, а увеличилась.

Такимъ образомъ, трудъ Н. М. Каринскаго вноситъ крупный вкладъ въ исторію русскаго языка, въ частности его сѣверозападныхъ нарѣчій. Онъ несомнѣнно займетъ видное мѣсто въ ряду трудовъ, посвященныхъ исторической діалектологіи русскаго языка. Авторъ несомнѣнно оправдалъ довѣріе своего учителя: онъ неуклонно стоялъ на реальной почвѣ фактическихъ данныхъ письменныхъ памятниковъ и современной живой народной рѣчи; онъ не ограничился изученіемъ одного памятника, а сумѣлъ въ небольшой по объему книгѣ дать результаты изученія многихъ параллельныхъ текстовъ одной мѣстности. Въ своей осторожности авторъ даже уступаетъ своему учителю, не рѣшаясь дѣлать смѣлыхъ выводовъ относительно *г*, *к* въ причастіяхъ *вегли*, *чьклы*, не высказывая своего мнѣнія о происхожденіи многихъ формъ (имен. ед. м. р. на *е*, 1 л. мн. глаг. на *ме*). Эта осторожность отчасти можетъ быть истолкована въ пользу автора, не желающаго навязывать читателю свои субъективныя соображенія и загромождать книгу экскурсами въ сторону по поводу той или другой формы. Сознавая, что широкія обобщенія удаются немногимъ, избраннымъ судьбою талантамъ, нашъ авторъ предпочелъ внести посильную лепту въ науку въ качествѣ скромнаго чернового работника.

Но значеніе книги Н. М. Каринскаго не ограничивается вкладомъ въ исторію сѣверозападнаго угла русскаго языка. Она важна данными для распредѣленія письменныхъ памятниковъ по мѣстностямъ. Собранный авторомъ матеріалъ, по выраженію академика Шахматова[1]), служитъ отличной характеристикой языка псковскихъ памятниковъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые памятники послѣ появленія труда Н. М. Каринскаго могутъ съ увѣренностью пріурочиваться къ Пскову. Въ числѣ этихъ памятниковъ академикъ Шахматовъ называетъ одинъ изъ главныхъ

1) Ж. Мин. Нар. Пр. 1909 г., № 7, стр. 114.

списковъ, заключающихъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», Кіевскую и Волынскую лѣтописи, — *Ипатьевскій;* такими же, по его мнѣнію, оказываются: *списокъ Новгородской 4-й лѣтописи Имп. Новороссійскаго Университета*[1]) XV в. или, какъ мнѣ кажется, XV—XVI вв., *Троицкій списокъ Новгородской 1-й лѣтописи, Креховскій списокъ Палеи.*

Это обстоятельство усугубляетъ значеніе труда Н. М. Каринскаго. Онъ является, благодаря этому, не только важнымъ изслѣдованіемъ по исторіи русскихъ говоровъ, но и важнымъ пособіемъ по исторіи русской письменности: въ немъ находимъ критеріи для опредѣленія характера правописанія, а черезъ это — и тѣхъ наслоеній, которыя обнаруживаются въ томъ или другомъ спискѣ, тѣхъ вліяній и тѣхъ школъ письма, которыя господствовали въ извѣстное время въ извѣстной мѣстности.

Имѣя въ виду все сказанное, я полагаю, что сочиненіе Н. М. Каринскаго является безспорнымъ обогащеніемъ научной литературы по исторіи русскаго языка, благодаря какъ собранному имъ весьма цѣнному матеріалу, такъ и выдвинутымъ имъ новымъ вопросамъ исторической діалектологіи русскаго языка; оно обогащаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и научную разработку исторіи русской письменности, проливая свѣтъ на многіе темные вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ и культурныхъ связяхъ главныхъ центровъ русскаго просвѣщенія. Все это даетъ мнѣ право ходатайствовать передъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и Словесности о присужденіи молодому автору одной изъ премій графа Д. А. Толстого и тѣмъ поощрить его къ дальнѣйшимъ работамъ въ избранной имъ области.

---

1) Объ этомъ интереснѣмъ памятникѣ, заключающемъ, между прочимъ, рѣдкія въ русской письменности формы 3 л. мн. простого аор. (ѣзьѣдѕ л. 536[а]), см. статью А. А. Кочубинскаго: «Какъ долго жилъ русскій супинъ?» (Филолог. Зап. 1871 г., стр. 1—12). Срав. мои замѣч. въ соч. «А. А. Кочубинскій и его труды по сл. ф.», стр. 14—15.

Государственная историческая библиотека РСФСР

Маг. 30
Ер.
8
448/10

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь, 1911 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*